

Анатолий Александрович Абрашкин
Да, скифы мы! «Откуда
есть пошла Русская Земля»
Серия «10 тысяч лет Русской истории»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7522320

Анатолий Абрашкин. Да, скифы мы! «Откуда есть пошла Русская Земля»: Яуза, Эксмо; Москва;

2014

ISBN 978-5-699-73104-6

Аннотация

НОВАЯ книга от автора бестселлера «Арийские корни Руси». Неудобная для Запада правда о происхождении Русского народа. Опираясь не только на общеизвестные источники, но и на новейшие данные археологии и языкознания, это исследование доказывает: мы являемся прямыми потомками и наследниками Великой Скифии, во 2-м тысячелетии до н. э. простиравшейся от Тувы до Трои. «Да, скифы мы! Попробуйте, сразитесь с нами!»

Что общего между скифскими курганами и египетскими пирамидами? Почему научный официоз замалчивает тот факт, что скифские погребения и памятники находят не только в Причерноморье, но и в Польше, Чехии, Словакии, Венгрии, Германии и даже в Центральной Франции – а значит, наши воинственные предки «прорубили окно в Европу» еще три тысячи лет назад? Как пытаются исказить их европейский облик, представляя светловолосых скифов «азиатами с раскосыми очами»? И кому нужно «разорвать преемственную связь» между ариями, скифами и русскими?

Эта книга дает ответ на вечный вопрос родной истории: «Откуда есть пошла Русская Земля?» – Из Великой Скифии!

Содержание

От автора	4
Введение. Когда ученые «буксуют»...	5
Часть I. Метаистория скифов	10
Глава 1. Легенды о происхождении	11
Глава 2. Эхидна и ее семья	18
Глава 3. Северные корни Геракла	32
Глава 4. По следам скифских богов	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Анатолий Абрашкин

Да, скифы мы! «Откуда есть пошла Русская Земля»

От автора

*О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь.*

А. Блок

Скифы... Что это за народ? Какова степень его родства с русскими? Как это ни парадоксально, но у историков на этот счет нет убедительных ответов. Нерешенным до сих пор остается и ключевой вопрос скифологии – откуда произошли скифы?

В данной книге предлагается оригинальная, отличная от всех предшествующих гипотез, версия скифской истории. Утверждается, что скифская общность зародилась на территории Малой и Передней Азии в XV–XII вв. до н. э., а в качестве ее ядра выступило государство Арсава. В коалицию стран, возглавляемых Арсавой, входила и знаменитая Троя. Скифы – участники Троянской войны и походов «народов моря». Ввергнутые в вихрь этих средиземноморских баталий, они не рассыпались «на кусочки», а, сплотив вокруг себя группы представителей местных и некоторых северных племен, двинулись на восток, дойдя до Китая. Впоследствии, в VII–IV вв. до н. э., на территории Русской равнины они создали могучее государство – Великую Скифию, которую подробно описал в своем труде Геродот.

Страна Арсава создавалась северными племенами, пришедшими в Анатолию через Балканы с Русской равнины. Скифы родом оттуда же: в качестве своей прародительницы они называли дочь Днепра – Борисфену. Именно постоянная поддержка с севера от племен срубной археологической культуры позволяла скифам вести активную политику в Передней Азии и на Ближнем Востоке, а также распространить свое влияние на Центральную Азию и северный Китай.

Имя скифов мы производим от общеиндоевропейского корня «скей», что значит «светлый». Таким образом, этнонимы «рус» («русый») и «скиф» имеют одно и то же смысловое значение, они синонимы и могли взаимозаменять друг друга. Первые упоминания о русах на юге Русской равнины (росомоны Иордана, IV век) появляются именно тогда, когда пропадают упоминания скифов. Средневековые авторы называли русов скифами. И это, разумеется, не случайно. Скифы никуда не исчезли, а попросту стали именоваться русами. Таким образом, русы – прямые потомки скифов и наследники их славы, а скифская история – часть древнерусской.

Введение. Когда ученые «буксуют»...

В воссоздании скифской истории участвуют специалисты самых разных направлений. Важная роль при этом отводится «теоретикам», изучающим труды античных и восточных авторов (Гекатея, Геродота, Гиппократ и др.), ассирийские и вавилонские клинописные тексты. Но все-таки первая скрипка в оркестре скифологов отводится по праву археологам, «экспериментаторам» исторической науки. Археологам принадлежит приоритет выдвижения и обоснования основных точек зрения на происхождение скифов. Количество собранного ими материала настолько велико, а результаты их открытий настолько многообразны, что сегодня мы не без гордости можем заявить, что в некоторых отношениях скифские курганы будут покрупнее знаменитых египетских пирамид. И если по своим геометрическим размерам степные пирамиды не так велики, то по богатству и красоте обнаруженных в них золотых предметов и других сокровищ вполне могут затмить усыпальницы фараонов!..

Первые официальные раскопки большого скифского кургана были инициированы в 1763 г. губернатором Новороссийского края генерал-поручиком А. П. Мельгуновым. Исследованию подвергся курган Червонная Могила, находившийся в 60 километрах от Елисаветграда (современный Кировоград). Вскрытое там погребение знатного скифа содержало великолепные вещи конца VII – начала VI в. до н. э. Наиболее интересной находкой среди них был меч в золотых ножнах, украшенных изображениями каких-то фантастических животных. Эти странные существа имеют туловище быка, хвост скорпиона, голову барана, орла или льва и крылья в виде рыбы со звериной головой. В лапах они держат натянутый лук со стрелой.

Год раскопок этого кургана можно считать временем рождения скифологии. За прошедшее с того момента время были раскрыты тысячи больших и малых скифских курганов, изучены десятки поселений и городищ. Каждому из них присвоено свое имя или свой порядковый номер. Данные раскопок подробно описаны и заархивированы. Современному исследователю открылись многочисленные тайны жизни скифов, их быта, хозяйства, верований. Данные письменных источников были переосмыслены в критическом плане, а отдельные мифы благополучно изжиты.

Главный из них касался этнической принадлежности скифов. На знаменитой картине В. Васнецова «Битва русских со скифами» у завоевателей монголоидные лица. А. Блок, отражая это широко распространенное среди интеллигенции мнение, писал:

Да, скифы мы, да, азиаты мы,
с раскосыми и жадными очами...

Вторая строка двустишия, однако, никакого отношения к реальности не имеет, равно как и монгольские лица скифов на васнецовском полотне. Наши великие соотечественники, что называется, не въехали в тему, не докопались до сути вопроса. А ведь к тому времени он был уже давно разрешен!

В 1830 году в ходе разборки большого каменного холма (кургана Куль-Оба) в окрестностях Керчи была открыта древняя гробница в виде квадратной камеры площадью в 20 кв. м, сложенной из огромных, тщательно отесанных известняковых блоков. Время ее сооружения – третья четверть IV в. до н. э. Внутри гробницы были обнаружены три человеческих скелета. По мнению ученых, они принадлежали знатному скифу, его супруге (или наложнице) и слуге-конюху. Останки «царя», облаченного в некогда роскошные одежды, были размещены на деревянном катафалке. О знатности и богатстве покойного свидетельствовали многочисленные золотые бляшки, нашитые на его одежды и войлочную шапку-башлык, а

также изящные золотые браслеты для рук и ног и массивная золотая гривна весом более 400 г, скрученная жгутом из шести толстых проволок и украшенная на концах фигурками всадников-скифов. Рядом со скелетом лежали меч, лук и стрелы в футляре (горите), бронзовые с позолотой греческие поножи. Рукоять и ножны меча, а также горит были обложены золотыми пластинами с вытесненными на них фигурами зверей и фантастических животных. Неподалеку от оружия была найдена прекрасная золотая чаша весом почти 700 г, на которой изображения бородатой головы скифа чередовались с ужасными ликами Медузы Горгоны.

Рядом с «царем» на каменном полу лежал скелет женщины. Ее наряд не уступал своим великолепием царскому. Голову женщины украшала электровая (из сплава золота и серебра) диадема и две золотые серьги-подвески с изображением богини. «Царице» принадлежали также другие золотые украшения: ожерелье из бус, тяжелая гривна весом почти 500 г, два широких браслета и бронзовое зеркало, на вызолоченной ручке которого выбиты звериные фигуры. Возле ног погребенной была обнаружена самая выдающаяся находка Куль-Обы – круглодонный электровый сосуд с фигурами скифов. Изображения на нем впервые позволили получить реальное представление о скифах. Как видно на изображениях, они носили длинные волосы, бороды и усы. Скифы – явные европеоиды, без каких-либо признаков «азиатчины». Их одежда, сделанная из кожи и льняной ткани, состояла из кафтана с поясом и длинных штанов-шаровар. Обувью скифам служили мягкие кожаные сапоги, перехваченные на щиколотках ремешками, на головах они носили остроконечные войлочные шапки.

Помимо электровой вазы, изображения скифов имелись и на ряде штампованных бляшек из Куль-Обы. Большая серебряная с позолотой ваза из кургана Чертомлык (в 20 км от города Никополь; раскопан в 1862 г.) украшена сценой ловли скифами диких коней. И там тоже ни о каких раскосых лицах говорить не приходится. И Блок, и Васнецов стали жертвой распространенного заблуждения. Оно чрезвычайно живуче, поскольку человек бессознательно ориентируется на современную политическую карту. Отсюда и проистекают ложные стереотипы обманутого сознания и разного рода комплексы относительно молодости русского народа и принципиальной недопустимости присутствия наших предков в глубинах Азии. В этом смысле примечательно название васнецовской картины. До прихода скифов южные области России населяли потомки арийских племен, в том числе и киммерийцы. Их художник назвал русскими и противопоставил скифам. Относительно внешнего вида кочевников он, безусловно, ошибся. Но насколько близки к коренному населению они были в культурном плане?

На протяжении многих десятилетий эта тема была и остается в центре внимания крупнейших специалистов. Множество различных мнений сводится в основном к двум гипотезам. Первая – так называемая автохтонная – наиболее подробно была обоснована московским археологом Б. Н. Граковым. Он считал, что прямыми предками скифов являлись оседлые земледельческо-скотоводческие племена срубной культуры. Ее ареалом служат степные и лесостепные зоны Евразии, от Урала до Днепра. Время существования культуры соответствует позднему бронзовому веку (середина – конец II тыс. до н. э.). Названа она так по типу захоронений покойников в срубках. Проникновение «срубников» с берегов Волги в Северное Причерноморье было очень медленным и длительным (с середины II тыс. до н. э.), а упомянутая Геродотом миграция скифов «из Азии», то есть из-за Дона, – лишь одна из его волн, скорее всего, последняя.

На своем пути срубники встретили «катакомбную» культуру (III – середина II тыс. до н. э.; юг России и Украина). Культура названа так из-за обычая ее носителей класть погребенных в специальные подземные камеры – пещерки, называемые у археологов катакомбами. Носителей катакомбной культуры обычно отождествляют с киммерийцами. Скифы упрочились в Причерноморье начиная с IX в. до н. э. Однако из общей массы вещей начала

I тыс. до н. э. нельзя выделить предметы, которые бы позволили разделить пришлую и местную культуры. Следовательно, первые скифские насельники по материальной культуре мало отличались или совсем не отличались от катакомбников. На основе слияния родственных друг другу культур сложилось этнически однородное население скифского времени, говорившее на одном из диалектов североиранского языка. Скифы и киммерийцы, таким образом, прямые потомки срубников. Они имеют общую культуру и, скорее всего, родственны этнически. Именно культура срубных времен, испытывавшая значительные изменения в ходе перехода от эпохи бронзы к железному веку и от полуседлого образа жизни к кочевому, легла в основу скифской культуры. Правда, искусство скифов (звериный стиль) и некоторые формы оружия Б. Н. Граков считал привнесенными извне.

Передвижение кочевых скифов из-за Волги (у Геродота она названа Араксом) в конце VII в. до н. э. прошло почти незаметно археологически именно из-за единообразия культуры и киммерийцев, и земледельческих, и кочевых скифов. Только начиная с конца VII в. до н. э. во всех черноморских и прикаспийских степях стали выделяться погребения всадников-воинов. Прочно обосновавшись с конца VII в. до н. э. в северопричерноморских степях, кочевые скифы постепенно образовали здесь мощное государство и служили проводниками товаров из греческих городов побережья в глубину страны. Влияние их материальной культуры сказывается и на западе во Фракии (север Балканского полуострова), и на нижнем течении Дуная, и на севере до Молдавии и Западной Украины.

Существенным образом от изложенных взглядов отличаются выводы украинского археолога А. И. Тереножкина, автора центральноазиатской гипотезы. Он выделил между срубной культурой и скифской еще одну – культуру типа Черногорско-Новочеркасского клада, которая представлена двумя последовательными историческими этапами: черногорским – 900–750 гг. до н. э. и новочеркасским – 750–650 гг. до н. э. Эту культуру ученый отождествил с историческими киммерийцами. Анализируя имеющиеся памятники, А. И. Тереножкин пришел к выводу, что культура типа Черногорско-Новочеркасского клада, то есть киммерийская, не трансформируется в древнейшую скифскую культуру, а чисто механически была вытеснена ею. Сама же скифская культура сформировалась, по его мнению, задолго до VII в. до н. э. в Центральной Азии. Следовательно, между населением доскифского и скифского времени не существует ни этнической, ни культурной преемственности. Скифы приходят в южнорусские степи из глубин Азии только в VII в. до н. э. С собой они приносят оригинальную, уже сформировавшуюся в своей основе культуру в лице знаменитой триады: характерного типа вооружения, конской сбруи и художественного звериного стиля.

В настоящее время в многолетнем споре между сторонниками двух версий происхождения скифов чаша весов все больше склоняется в пользу «азиатчиков». Археологи выделили следующие основополагающие признаки принадлежности к скифской материальной культуре: «оленные камни» (каменные плиты со стилизованными изображениями зверей), особенности погребальных сооружений, набор бронзовых наконечников стрел, клевцы – короткое древковое оружие всадников с заостренным наконечником, секиры, бронзовые шлемы, конскую упряжь, бронзовые дисковидные зеркала, звериный стиль, каменные блюда. Все они фиксируются на огромных просторах Центральной Азии и Северного Китая и в Восточной Европе появляются, как правило, позднее. Важным аргументом в пользу переднеазиатской гипотезы стали находки в кургане Аржан (Тува), где в погребальной камере IX–VIII вв. до н. э. были обнаружены многие типичные предметы скифской триады и «оленный камень». Подводя итог обзору мнений о проблеме происхождения скифов, известный археолог В. И. Гуляев пишет в книге «Скифы: расцвет и падение Великого царства»: «В скифах можно видеть пришельцев из Азии (в чем солидарны и археологические данные, и свидетельства античных авторов). Скорее всего, прародина скифов находилась где-то в пределах довольно обширной азиатской территории: между Тувой, Северной Мон-

голией, Алтаем, Средней Азией и Казахстаном. Там они жили в окружении родственных им по культуре и языку племен: саков, массагетов, «пазырыкцев» (жителей Алтая). Диодор Сицилийский, автор I в. до н. э., сообщает, что скифы первоначально занимали территорию на р. Аракс (современная Сырдарья), а затем «захватили страну к западу от Танаиса» (т. е. р. Дон)».

Казалось бы, проблема решена, и археологам остается лишь еще раз громогласно заявить об очередной победе. Но что-то, на удивление, не слышно от них победных реляций. Скорее, из их лагеря веет непроходимым унынием. В самом деле, локализовать прародину «между Тувой, Северной Монголией, Алтаем, Средней Азией и Казахстаном» – это все равно что ткнуть пальцем в небо, расписаться в своем незнании. Похоже, что сторонники азиатской гипотезы слишком увлеклись спором и в своем желании опровергнуть оппонентов упустили что-то важное, действительно определяющее народ скифов и их культуру. Если «автохтонщики» представляли скифов многочисленным народом, в течение многих веков создававшим империю от Дуная до Алтая, то «азиатчики» увидели в них обычную орду кочевников, вытесненных соседями из привычных мест обитания и поневоле очутившихся в Причерноморье только в конце VII в. до н. э. На все житье-прожитье в этом регионе «азиатчики» отводят им три века. В начале III в. до н. э. Северное Причерноморье оккупируют сарматы и вытесняют, как считается, скифов на запад. В свете такой интерпретации событий совершенно непонятно, как в сознании античных греков мог сложиться образ Великой Скифии «от Ирана до Кельтики» (Гекатей Милетский, VI в. до н. э.)? Три века – это очень мало, чтобы покорить и обжить, считай, всю Восточную Европу. Единовременной миграцией тут никак не обойдешься!

Писатель IV в. до н. э. Квинт К. Руф сообщает: «Племя скифов, находясь недалеко от Фракии, распространяется на восток и север, но не граничит с сарматами, а составляет их часть. Они занимают еще и другую область, прямо лежащую за Истром (Дунаем), и в то же время граничат с Бактрией (Средней Азией и Афганистаном), с крайними пределами Азии. Они населяют земли, находящиеся на севере; далее начинаются дремучие леса и обширные безлюдные края; те же, что располагаются вдоль Танаиса (Дона) и Бактра (Средняя Азия), носят на себе следы одинаковой культуры». Великая Скифия по Руфу – это не только степи, но и леса, это вся Северная Евразия. Она представляет область «одинаковой культуры» и, поскольку «племя скифов составляет часть сарматов», этнического единства. Так что же, выходит, что скифы пришли к своим сородичам и, следовательно, их предки были срубниками? Очевидно, да. Но «азиатчики» никогда с этим не согласятся, поскольку они определяют скифов как носителей культурных особенностей, не присущих срубникам. На вопросе «срубники-несрубники» археологи всерьез забуксовали...

Есть еще один академический запрет на отождествление скифов со срубниками. Научная традиция причислила скифов к ираноговорящим народам. В то же время срубники никак не могли быть иранцами, они говорили на арийском наречии, на основе которого сформировался санскрит (язык индоариев) и иранский язык. Следовательно, по заявлениям лингвистов, скифы отличались по языку от коренного населения Южной Руси. Но такого рода рассуждения опять-таки выглядят совсем не убедительно. Да, проживая в Передней Азии, скифы могли усвоить новые языковые формы и впоследствии перенести их в Восточную Европу. Но если они изначально говорили на арийском наречии, то что мешало им забыть родной язык? Только неумное желание ученых «оторвать» скифов от русской почвы.

Первое, что озадачивает непредвзятого исследователя, заинтересовавшегося этим вопросом, так это то, что скифский язык куда-то бесследно исчез. Был великий и многочисленный народ скифов, говоривший на одном, понятном для всех них наречии. Заселял он огромные пространства, совпадающие по своей южной границе с территорией Советского Союза. По свидетельству античных источников, языки жителей Великой Скифии или не

отличались между собой вообще, или представляли собой всего лишь «искажения» (диалекты) скифского, который, как нас уверяют, не сохранился. Все, чем располагают ученые, – это лишь некоторое число личных имен и географических названий, оставшихся в иноязычных текстах. Однако лишь на основе этих ограниченных данных лингвисты уверенно причисляют скифский язык к иранской группе. Повторимся, ничто не мешало бывшим срубникам возвратиться к своим соотечественникам с некоторым багажом новой лексики. Было бы странно, если бы такого не произошло! Вся история скифов доказывает, что они противостояли персам, истинным иранцам. Поэтому осмелимся заключить, что, причисляя скифов к ираноговорящим народам, лингвисты «буксуют».

Центральноазиатская гипотеза происхождения скифов выглядит как очередной вариант варяжской проблемы. Пришли, дескать, к нам, незадачливым срубникам, азиатские воины и принесли новую культуру. Обучили своим высоким искусствам, но потом вдруг в одночасье исчезли, оставив после себя лишь великую славу. В общем, старая сказочка на новый лад. И все это подается в хорошо оформленном академическом «переплете»! Конечно, у автохтонной теории есть свои недостатки, и их не следует затушевывать. Но и принять версию «азиатчиков» тоже никак нельзя. Необходимы новые, свежие идеи, переводящие рассмотрение этого вопроса в иную плоскость, не связанную только с археологией. Это обычный, естественный путь науки. Надо только решительно признать, что традиционные методы исследования данной проблемы завели в тупик...

Часть I. Метаистория скифов

*К преддверью тайны уведите же,
Вы, неисхоженные тропы,
Где искони с лучом Европы
Востока дальний луч скрещен...*

Д. Андреев

Метаистория – это то, что выходит за пределы, собственно, исторической науки, лежит вне рамок документальных источников. В данном случае это мифы, предания, легенды и религиозные представления. Они тоже являются отражением реальных событий, но делают это на языке образов, используя особую символику и поэтическое воображение. Разгадка их требует особого искусства, которое определяется в первую очередь интуицией исследователя и его знанием глубинных народных верований.

Религия – наиболее яркое воплощение народной души. Боги народа – отражение его мирозерцания и отношения к жизни. К примеру, у германцев верховный бог Один представлялся в виде воина, у русских же высшим божеством служил Род – символ плодородия и любви. Разве не выражают они основополагающую линию в характерах двух великих народов? «Впрочем, лицо мифическое не всегда представляет собою характер того народа, которого воображением оно создано. Переходя в другой мифологический мир, оно к прежнему своему значению присоединяет еще новый характер, зависящий от народа-изобретателя и народа, принявшего чуждое божество. Когда племя шло на брань со знаменами, на которых было изображение своего невидимого покровителя, уstraшенный неприятель принимал в свой Олимп грозное божество и старался не только умиловить, но и переманить его на свою сторону» (А. С. Хомяков «Семирамида»). По судьбе богов, таким образом, можно следить за борьбой и перемещениями народов. Распространение культа того или иного бога совпадает с направлением миграции поклоняющегося ему народа. Он же (культ выделенного божества) обозначает факт присутствия на данной территории народа-завоевателя.

В свете таких нехитрых положений мифология предстает совершенно уникальным источником сведений о передвижениях народа и его контактах с другими племенами. Следует только признать, что выбор веры связан не только с характером и мировоззрением народа, но и с его судьбой. Приверженность к культу конкретного бога открывает наличие прочных культурных контактов между народами, указывает вектор духовной, а зачастую военной и хозяйственной экспансии этноса. Изучение родословной богов – важнейшее подспорье для прояснения происхождения племени.

Глава 1. Легенды о происхождении

Геродот приводит сразу две легенды относительно происхождения скифов. Первая принадлежит причерноморским эллинам. По нему племя скифов возникло от любовной связи Геракла с полудевой-полузмеей, проживавшей в необитаемой тогда еще их стране. Второе предание восходит уже к самим скифам и возводит их род к мифическому перво-предку, царю Таргитаю и дочери реки Борисфена (Днепра). От их брака родились три сына – Липоксай, Арпоксай и Колаксай. Обе эти версии помещают прародину скифов в европейскую часть России, чему Геродот не очень-то доверяет.

«Отец истории» пишет: «Существует еще третье сказание (ему я сам больше всего доверяю). Оно гласит так. Кочевые племена скифов обитали в Азии. Когда массагеты вытеснили их оттуда военной силой, скифы перешли Аракс и прибыли в киммерийскую землю (страна, ныне населенная скифами, как говорят, издревле принадлежала киммерийцам). С приближением скифов киммерийцы стали держать совет, что им делать перед лицом многочисленного вражеского войска. И вот на совете мнения разделились. Хотя обе стороны упорно стояли на своем, но победило предложение царей. Народ был за отступление, полагая ненужным сражаться с таким множеством врагов. Цари же, напротив, считали необходимым упорно защищать родную землю от захватчиков. Итак, народ не внял совету царей, а цари не желали подчиниться народу. Народ решил покинуть родину и отдать захватчикам свою землю без боя; цари же, напротив, предпочли скорее лечь костями в родной земле, чем спастись бегством вместе с народом. Ведь царям было понятно, какое великое счастье они изведали в родной земле и какие беды ожидают изгнанников, лишенных родины. Приняв такое решение, киммерийцы разделились на две равные части и начали между собой борьбу. Всех павших в братоубийственной войне народ киммерийский похоронил у реки Тираса (могилу царей там можно видеть еще и поныне). После этого киммерийцы покинули свою землю, а пришедшие скифы завладели безлюдной страной» (Геродот; IV,11). В этом рассказе подчеркивается независимость скифов от прежней, киммерийской культуры. Гражданская война между двумя группами киммерийцев проходит в Приднестровье (Тирас – это Днестр), а скифы поселяются на «безлюдных» пространствах Поднепровья и Приазовья. Согласимся, что и эта, уже чисто историческая, версия порождает ряд вопросов. Главным из них, безусловно, является вопрос о взаимоотношениях, сложившихся между двумя встретившимися народами.

У нас нет никаких причин не доверять ни легендарным сведениям скифов и эллинов, ни исторической версии Геродота. Наоборот, мы убеждены, что все три рассказа покоятся на правдивых основаниях и потому содержат в себе слой истины. Подчеркнем, целый слой, а не крупницы, как это полагают большинство современных исследователей. Другое дело, что каждую из этих историй следует рассмотреть под определенным углом, найти ту единственную «ниточку», которая и поможет распутать клубок кажущихся противоречий. Вот принцип нашего подхода к исследованию проблемы происхождения скифов.

Геродот, будучи историком, предпочел версию, где фигурировали конкретные топонимы и известные исторические народы. Но ее следует увязать с двумя другими легендами. Сторонники азиатской прародины закрывают на них глаза и делают это совершенно напрасно.

Обратимся вначале к эллинскому мифу о происхождении скифов. Понтийские (то есть живущие на берегах Черного моря) греки рассказывали, что Геракл, гоня быков Гериона, прибыл в необитаемую тогда еще землю, которую впоследствии заняли скифы. «Там его застали непогода и холод. Закутавшись в свиную шкуру, он заснул, а в это время его упряжные кони (он пустил их пастись) чудесным образом исчезли. Пробудившись, Геракл исходил

всю страну в поисках коней и, наконец, прибыл в землю по имени Гилея. Там в пещере он нашел некое существо смешанной природы – полудеву-полузмею. Верхняя часть туловища от ягодиц у нее была женской, а нижняя – змеиной. Увидев ее, Геракл с удивлением спросил, не видала ли она где его заблудившихся коней. В ответ женщина-змея сказала, что кони у нее, но она не отдаст их, пока Геракл не вступит с ней в любовную связь. Тогда Геракл ради такой награды соединился с этой женщиной. Однако она медлила отдавать коней, желая как можно дольше удерживать у себя Геракла, а он с удовольствием бы удалился с конями. Наконец женщина отдала коней со словами: «Коней этих, пришедших ко мне, я сохранила для тебя; ты отдал теперь за них выкуп. Ведь у меня трое сыновей от тебя. Скажи же, что мне с ними делать, когда они подрастут? Оставить ли их здесь (ведь я одна владею этой страной) или отослать к тебе?» Так она спрашивала. Геракл же ответил на это: «Когда увидишь, что сыновья возмужали, то лучше всего тебе поступить так: посмотри, кто из них сможет вот так натянуть мой лук и опоясаться этим поясом, как я тебе указываю, того оставь жить здесь. Того же, кто не выполнит моих указаний, отошли на чужбину. Если ты так поступишь, то и сама останешься довольна, и исполнишь мое желание». С этими словами Геракл натянул один из своих луков (до тех пор ведь Геракл носил два лука). Затем, показав, как опоясываться, он передал лук и пояс (на конце застёжки пояса висела золотая чаша) и уехал. Когда дети выросли, мать дала им имена. Одного назвала Агафирсом, другого – Гелоном, а младшего Скифом. Двое сыновей – Агафирс и Гелон не могли справиться с задачей, и мать изгнала их из страны. Младшему же, Скифу, удалось выполнить задачу, и он остался в стране. От этого Скифа, сына Геракла, произошли все скифские цари. И в память о той золотой чаше еще и до сего дня скифы носят чаши на поясе (это только и сделала мать на благо Скифу)» (Геродот. История IV, 8—11).

Взгляд греков – это мнение стороннего наблюдателя, у чужестранцев нет никаких мотивов приукрасить историю другого народа. Оттого их мнение заслуживает особого внимания. Во-первых, греческий миф утверждает, что скифы были автохтонными жителями своей земли, причем она охватывала не только степные районы, но области к северу от них, где царила «непогода и холод». Эта территория, согласно эллинскому мифу, была необитаемой до прихода туда скифов. Следовательно, греки не отличали их от первоначальников Русской равнины.

Теперь об образе царицы скифов. Фигура Космического Змея вообще едва ли не самая загадочная в мировой мифологии. Ученым совершенно не ясны ее происхождение и промежуточные этапы эволюции. Между тем гениальное решение этой мифологической проблемы предложила Л. М. Алексеева в книге «Полярные сияния в мифологии славян. Тема змея и змееборца». Наблюдение полярных сияний с земли может породить самые разные образные ассоциации. Одна или несколько светящихся дуг полярного сияния создают впечатление огромной (часто протянувшейся от горизонта до горизонта) светящейся «огненной змеи». Эти дуги зачастую превращаются в складчатые полосы-ленты, волнообразные извивы которых очень похоже воспроизводят движения змеи. Родина Змея, таким образом, – небо северных широт. Его культ зародился у северных народов, к числу которых относились предки скифов. Особым почитанием у них Космического Змея как раз и объясняется столь необычный образ прародительницы скифов. Архаический вид божества свидетельствует об укорененности в скифской среде древнейших северных традиций, берущих свое начало еще в неолитические времена.

В одной греческой надписи из Северного Причерноморья дана несколько отличная версия того же эллинского мифа. В ней рассказывается, что Геракл, придя в Скифию, побеждает в борьбе Аракса (божество одноименной реки, скорее всего – Волги) и вступает в брак с его дочерью Эхидной. От этого брака рождаются Агафирс и Скиф. Это уже более поздний вариант мифа, относящийся ко времени, когда один из сыновей Геракла – Гелон – поки-

нул родину. К тому же, у царицы скифов теперь есть имя и муж. Араксай – имя «говорящее». Оно двусоставное, его вторая часть («ксай») является греческим воспроизведением санскритского слова «повелитель, владыка, царь» и обозначает титул вождя. Первая же – Ара – несет основное смысловое значение, это и есть имя повелителя. Ара-ксай, таким образом, означает «царь Ар» или «Арий-царь» – владыка народа ариев, которые проживали в стране Эхидны.

Наш соотечественник, социолог и общественный деятель Лев Иванович Мечников (1838–1888 гг.) известен как автор очень популярной в свое время книги «Цивилизация и великие исторические реки». Мечников обратил внимание, что рождение древнейших цивилизаций происходило в бассейнах больших рек. Хуанхэ и Янцзы орошают ареал китайской цивилизации, индийская (или ведийская) культура локализовалась преимущественно в бассейне Инда и Ганга, шумерская возникла на берегах Тигра и Евфрата, а египетская вокруг Нила. По мысли исследователя, эти реки наложили на жителей, проживавших на их берегах, «своего рода ярмо исторической необходимости». В силу самих физико-географических условий люди этих мест оказывались прочно привязанными к цивилизации и прогрессу. Но Мечников, обозревая отдаленные страны, упустил из вида свои родные пределы, земли Русской равнины. В «Ведах» – священных книгах ариев – рассказывается, что в далекой древности их племена проживали на берегах реки Расы, которую современные исследователи отождествляют с Волгой (ее древнейшее название Ра). Резкое похолодание вынудило ариев мигрировать в более теплые земли. Они разошлись по самым разным странам, но и там помнили о своей северной прародине.

Волга берет начало на Валдайской возвышенности и принимает около 200 притоков. Левые притоки многочисленнее и многоводнее правых. Волга – одна из крупнейших рек земного шара и самая большая в Европе. Речная система бассейна Волги включает 151 тыс. водотоков (реки, ручьи и временные водотоки) общей протяженностью 574 тыс. км. При этом число рек, фигурирующих в этом списке, составляет 7 тыс.! Обыгрывая этот уникальный факт, Александр Твардовский посвятил нашей великой реке стихотворение:

Семь тысяч рек,
Ни в чем не равных:
И с гор стремящих бурный бег,
И меж полей в изгибах плавных
Текущих вдаль – семь тысяч рек
Она со всех концов собрала —
Больших и малых – до одной,
Что от Валдая до Урала
Избороздили шар земной.
И в том родстве переплетенном,
Одной причастные семье,
Как будто древом разветвленным
Расположились на земле.

Поэт сравнивает систему притоков Волги с гигантской кроной мощного дерева, но на память приходит также и ассоциация с сетью капилляров, питающих Русскую равнину. И если своей длиной Волга уступает тем же Нилу, Янцзы и Хуанхэ, то по параметру разветвленности она превосходит другие великие исторические реки. В этом смысле арийскую цивилизацию следует назвать самой речной древней культурой.

О влиянии древних ариев на скифскую цивилизацию будет неоднократно говориться в дальнейшем. Но нельзя не подчеркнуть, что, подобно ариям, скифы связывали свое про-

исхождение с реками Русской равнины. Они не забывали тех священных берегов, которые когда-то покинули их предки. Поселения рушатся, а реки вечны. Вот почему скифская легенда называет матерью Таргитая дочь Днепра, а Гераклу, чтобы утвердиться на новой территории, потребовалось победить именно речного бога Аракса. Римский историк рубежа нашей эры Помпей Трог начинает историю скифов с мифического царя Таная, имя которого связано с названием реки Танаис (Дон), а также с родственными именованиями водной стихии и ее бога у индоевропейцев. Примечательно также, что род русских «Повесть временных лет» ведет от Кия – перевозчика, то есть «хозяина» рек или речного божества. Таким образом, уже легенды о происхождении высвечивают культурное родство ариев, скифов и русских и характеризуют их как автохтонов Русской равнины.

До нас дошла также римская легенда о рождении скифского народа. Она более позднего происхождения, чем рассмотренные ранее. Римский поэт I века Валерий Флакк записал, что бог Юпитер взял в жены Гору, нимфу с «полужвериным телом и двумя змеями», и от их союза родился сын Колакс, которого естественно отождествить с геродотовским Колаксам, сыном Таргитая. Правда, теперь Колакс – единственный сын своих родителей. Кроме того, матерью Колакса названа и не дочь Днепра Борисфена, и не Эхидна, а какая-то неведомая нимфа Гора. Но тут самое время вспомнить, что у Эхидны есть сестры Горгоны, или, в греческом прочтении, «урожденные Горы». Обитают они на берегу реки Океан. Всего горгон – три, их имена – Сфено, Эвриала и Медуза. Согласно античным текстам, они отличаются ужасным видом, будучи крылатыми, покрытыми чешуей, со змеями вместо волос, с клыками, со взором, превращающим все живое в камень. Эти характерные свойства их портрета вполне подходят под описание, оставленное римским поэтом. Горгоны олицетворяют хтонические силы, это древнейшие божества, и их изначальный образ был вовсе не таким, как их описали греки и римляне. Сфено и Эвриала – старшие сестры, они бессмертные, младшая Медуза – смертная. Из двух бессмертных сестер мы, памятуя о геродотовском рассказе, на роль Горы выберем Сфено, полагая, что в своем повествовании Валерий Флакк употребил сокращенный вариант имени Борисфена.

Но это не все сюрпризы флакковской истории. У него есть еще интересная подробность, что Колакс погибает, сражаясь с неведомым богатырем Апром. Имена персонажей мифов и сказаний – ценнейшая информация, которую следует изучать всесторонне. Особенно если она несет элемент новизны. Для начала обратим внимание, что имя богатыря присутствует в полном названии Днепра – Дан-апра (по-ирански – Данаприса). Данапр означает «река Апра» (на санскрите *danu* – река). Таким образом, Апр – имя властелина, охранявшего берега Днепра. Надо полагать, что, как хозяин реки, он был супругом или отцом Сфено (Борисфены). Все-таки удивительно, как отдельные фрагменты флакковской легенды гармонично соединились в целостную мозаику.

Но что же означает имя «Апр»? Ведь если оно связано с одной из крупнейших рек Русской равнины, то и статус богатыря, носившего его, должен быть выдающимся. И это действительно так, но чтобы показать это ясно и доказательно, нам придется обратиться к русской мифологии.

Христианский автор времен Киевской Руси святой Григорий (Богословец) в сочинении «Слово об идолах» пишет, что началом начал наших религиозных представлений следует считать веру в упырей и берегинь. И про тех, и про других мы больше знаем из художественных произведений. Упыри (или вампиры) в современной традиции – это исчадия зла, олицетворения губительных сил. Вампиры высасывают из человека кровь и поедают мертвецов. Берегини тоже связаны с миром умерших. Это русалки, которых фольклор и художественная литература XIX века представляют в виде зловредных и коварных утопленниц. В связи с этим возникает вполне законный вопрос: неужели первые герои религиозных верований наших далеких предков выступали носителями темных начал?

Разумеется, нет. Один из законов мифологии гласит, что чем древнее божество, тем больше в нем замешано отрицательных черт. Поколения богов менялись, на смену старым приходили более юные и привлекательные, новые герои человеческих фантазий. Вот в этот-то самый момент на прежних кумиров наводились тени и навешивались ярлыки. Они превращались в злодеев, врагов человеческого рода. Так произошло с лешими, водяными, банником, домовым, Бабой-ягой и Кощеем Бессмертным. Но следует помнить, что изначально их образы не имели этической «окраски». Деление богов на добрых и злых произошло довольно поздно. Для древнейшего этапа язычества это вообще неприемлемо. Образы упырей и русалок новейшая литература передает не в их первозданном, а в заведомо искаженном виде. В высшей степени неправильно представлять наших отдаленных прародителей «людьми лунного света» (В. В. Розанов), настроенными на восприятие, в первую очередь, темной стороны действительности. Надо подробнее разобраться с героями их фантазий, вникнуть во внутренний мир древнего человека и в конечном итоге отдать должное их поэтическим воззрениям.

Имя «упырь» на первый взгляд загадочно и неясно. Но в русском языке в некоторых случаях добавление буквы «у» к слову придает ему негативный оттенок. Например, бог – убогий (без бога). Так не является ли слово «упырь» отрицанием некоего «пыря»? Не поленимся заглянуть в «Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля. Пырин, пыран, пырь, пырка – все это обозначение предмета (органа), который пыряет. Родители русских мальчиков до сих пор называют маленький «отросточек» сыночка – пирином. Пырь, в силу своего символического значения, олицетворяет силы плодородия и торжество жизни на земле. Соответственно, упырь, выступающий его антиподом, изображается мертвецом (фигурально, без пыра), нападающим на людей и животных.

Память о Пыре стерлась в нашем народе, но боги воистину бессмертны. Просто с некоторых пор его стали называть Перуном. Да, да, известный каждому со школьных лет бог грома и молнии, покровитель княжеской дружины бог Перун – наш родной, доморощенный бог. Перун – это постаревший Пыр. Поначалу он мыслился как божество плодородия, лишь впоследствии при его характеристике стали выделять и подчеркивать отдельные функции громовержца. Но и здесь его роль сводится, по существу, к пырянию земли стрелами-молниями. В еще более поздней своей ипостаси Пыр-Перун стал представляться в виде конного всадника, вооруженного копьем.

Богатырь Апр из флаковской легенды олицетворяет Перуна. Победа Апра-Перуна над Колаксом подчеркивает, что пришедшие в Поднепровье скифы встретили там сильные в военном отношении местные племена. И еще, что более важно, в этническом плане это были предки русских – хранители культа Пыра-Перуна.

Для полноты свода мифов о происхождении скифов следует упомянуть еще версию греческого историка Диодора, жившего также на рубеже нашей эры, спустя более 400 лет после Геродота. Скифы, говорит Диодор, «сначала занимали незначительную область, но впоследствии, понемногу усилившись благодаря своей храбрости и военным силам, завоевали обширную территорию и снискали своему племени большую славу и господство. Сначала они жили в небольшом количестве у реки Аракса и были презираемы за свое бесславие; но еще в древности под управлением одного воинственного и отличавшегося стратегическими способностями царя они приобрели себе страну в горах Кавказа, а в низменностях – побережья Океана и Меотийского озера (Азовского моря. – А. А.) и прочие области до реки Танаиса.

Впоследствии, по скифским преданиям, появилась у них рожденная землей дева, у которой верхняя часть тела до пояса была женская, а нижняя – змеиная. Зевс, совокупившись с ней, произвел сына по имени Скиф, который, превзойдя славой всех своих предшественников, назвал народ по своему имени скифами. В числе потомков этого царя были два брата,

отличавшиеся доблестью; один из них назывался Пал, а другой Нап. Когда они совершили славные подвиги и разделили между собой царство, по имени каждого из них назвались народы: один палами, а другой напами...»

Рассказ Диодора имеет обобщающий характер, что позволяет подвести итоги нашего сравнения разных легенд (их данные для удобства сведены в таблицу). Все версии происхождения скифов связывают их с Русской равниной. Расширяя область своего влияния, они приходят на Кавказ и в Азию. Сообщение Геродота о том, что скифы, вытесненные массагетами, перешли Аракс и встретили киммерийцев, относится ко времени их возвращения на Русскую равнину, родину своих предков.

Чья легенда?	Прародительница	Первопредок	Противник	Сыновья
Скифская (Геродот)	Борисфена	Таргитай	—	Липоксай, Арпоксай, Колаксай
Причерноморские греки (Геродот)	Полудева, полузмея	Геракл	—	Гелон Агафирс Скиф
Греческая 1-я	Эхидна	Геракл	Аракс	Агафирс Скиф
Римская (Валерий Флакк)	Гора (Горгона Сфено)	Юпитер	Апр (Перун)	Колакс
Греческая 2-я (Диодор)	Змеедева	Зевс	—	Скиф (его потомки – Пал и Нап)

Диодор подчеркивает, что изначально скифы были немногочисленным племенем. В пользу этого говорит и то, что Скиф лишь один из сыновей Геракла, а следовательно, он унаследовал лишь часть племенных земель. Колакс проигрывает бой Апру, а значит, в пору своей юности скифские воины еще не считались сильнейшими даже в своих родных краях. Диодор приурочивает легенду о рождении Скифа от Змеедевы ко времени, когда скифы уже обосновались на Кавказе и владели южнорусскими степями. Этот перескок во времени, если можно так сказать, художественный прием, необходимый для того, чтобы естественно вставить сообщение о расколе, произошедшем внутри скифов.

Потомки Скифа Пал и Нап дали названия двум народам – «палеям» и «напам», но таких «народов» историки не знают. Диодор тоже ничего о них не добавляет, однако римский ученый-энциклопедист Плиний Старший, перечисляя в своей «Естественной истории» кочевые племена Центральной Азии, вскользь замечает: «Здесь палеи некогда истребили напеев». Местом конфликта братьев, таким образом, являются не южнорусские земли, а заволжские просторы азиатских степей. В переводе с санскрита Пал значит «повелитель, царь», а Нап – «потомок, сын, внук». Поэтому речь, скорее всего, идет о попытке какой-то части скифов из числа «молодых да шустрых» отделиться от скифской империи (Великой Скифии) ее восточную (азиатскую) часть. Царские скифы подавили мятеж, восстановив целостность державы.

Таким образом, напеи – «ветвь» скифов, а не какой-то другой народ, о котором впоследствии люди забыли.

Чисто психологически конфликт «дедов» и «внуков» в скифском обществе прекрасно характеризует небольшая «новелла» Геродота (IV, 1, 3,4):

«Следуя за киммерийцами, они (скифы. – А. А.) проникли в Азию и сокрушили державу мидян (до прихода скифов Азией владели мидяне). Когда затем после 28-летнего отсутствия спустя столько времени скифы возвратились в свою страну, их ждало бедствие, не меньшее, чем война с мидянами: они встретили там сильное вражеское войско. Ведь жены скифов вследствие долгого отсутствия мужей вступили в связь с рабами. <...>

От этих-то рабов и жен скифов выросло молодое поколение. Узнав свое происхождение, юноши стали противиться скифам, когда те возвратились из Мидии. Прежде всего они оградили свою землю, выкопав широкий ров от Таврийских гор до самой широкой части Меотийского озера. Когда затем скифы пытались переправиться через озеро, молодые рабы, выступив им навстречу, начали с ними борьбу. Произошло много сражений, но скифы никак не могли одолеть противников; тогда один из них сказал так: «Что мы делаем, скифские воины? Мы боремся с нашими собственными рабами! Ведь когда они убивают нас, мы слабеем; если же мы перебьем их, то впредь у нас будет меньше рабов. Поэтому, как мне думается, нужно оставить копья и луки, пусть каждый со своим кнутом пойдет на них. Ведь пока они видели нас вооруженными, они считали себя равными нам, т. е. свободнорожденными. Если же они увидят нас с кнутом вместо оружия, то поймут, что они наши рабы, и, признав это, уже не дерзнут противиться».

Услышав эти слова, скифы тотчас последовали его совету. Рабы же, уstraшенные этим, забыли о битвах и бежали. Итак, скифы были властителями Азии; затем после изгнания их мидянами они таким вот образом возвратились в родную страну».

Геродот превратил свой рассказ в назидательную притчу, мол, негоже рабам бунтовать против хозяев. Но ее историческая подоплека вполне конкретна. Войско скифов ушло в азиатский поход и отсутствовало почти треть века. За это время у воинов выросли не только сыновья, но и внуки. Думается, именно эта молодая поросль, а вовсе не рабы, инициировала конфликт с воинами, возвращавшимися из Азии. Гвардия («палеи») после ряда сражений просто разогнала молодых оппонентов («напеев»). И вполне вероятно, что многие из них закончили жизнь рабами (в том же социальном статусе, что определил им Геродот).

Но где бы ни произошла война палеев и напеев – в глубинах Азии или Причерноморье – свидетельства Диодора, Плиния и Геродота указывают существование двух центров скифской истории – европейского и азиатского. Первый из них существовал постоянно в центре Русской равнины, второй же, возникнув однажды в среде скифских воинов-завоевателей, мигрировал по территории Азии, но в конечном итоге возвратился в Причерноморье. Первый связан с Гераклом и его сыновьями. Второй, как будет показано во второй части книги, уже заслуга Таргитая и его наследников.

Наличие двух территориально разнесенных центров развития – особенность скифской истории. Не случайно легенды называют имена двух прародителей, и не случайно их дети носят совсем несхожие имена. В римской легенде, пересказанной Валерием Флакком, приход Колакса в Поднепровье символически указывает на существование контактов между родственными частями единого этноса. Другое дело, что, как и в любой семье, отношения между родственниками бывали разные.

Глава 2. Эхидна и ее семья

Многие авторы, пишущие о скифах, цитируют проникновенные строки Валерия Брюсова:

Мы – те, о ком шептали в старину,
С невольной дрожью, эллинские мифы:
Народ, взлюбивший буйство и войну,
Сыны Геракла и Эхидны – скифы.
Вкруг моря Черного, в пустых степях,
Как демоны, мы облетали быстро,
Являясь всюду, чтобы сеять страх:
К верховьям Тигра иль к низовьям Истра.

Между тем мало кто пытается вникнуть в суть этих хрестоматийных строк. Мы – это русские и славяне, которых Брюсов зачисляет в наследники скифов. Прекрасно! Но в числе наших прародителей выступают великий греческий герой и знаменитый персонаж греческой мифологии. Так что получается, наши прародители – греки? Или у них славяно-русские корни? Откуда у поэта такая уверенность в нашем родстве со скифами? Сам-то он, ясное дело, чувствует кровную связь на бессознательном уровне, интуитивно. Однако и основательные аргументы в пользу его точки зрения крайне полезны и жизненно важны.

Обратимся для начала к образу прародительницы Скифа. Имя Эхидны образовано из двух арийских слов: «ахи» – «змея» и «дану» – «река». Эхидна – «речная змея», разновидность сказочных русалок. Современная традиция изображает их носительницами исключительно отрицательных начал. Но изначальные представления о русалках были заведомо не такими. Их почитание напрямую восходит к общеиндоевропейскому культу живительных сил Природы. В верованиях индоевропейцев огромное значение имеет образ Матери-земли (у русских – Мать сыра земля), которому отводился статус божества. Мать-земля выступала в роли прародительницы и хранительницы животного и растительного мира, Великой (верховной) богини, ответственной за все сущее. Главенство женского начала в иерархии божественных сил соответствует эпохе матриархата, первым тысячелетиям существования «гомо сапиенса». Русалками изначальными называли девушек, посвящавших себя служению Великой богине. Они – предшественницы тех, кого позднее стали называть ведьмами. Красавицы, знахарки, ведавшие тайнами растений и магией заговоров, они пользовались особым всеобщим почетом и уважением. Перемена отношения к ним произошла с наступлением патриархата, когда возникли сказания о страшных, уродливых русалках, похожих на косматых баб, кудлатых, как ведьмы, горбатых и старых, черных, заросших шерстью, с грудями, как камня, ходящих голыми или в лохмотьях и держащих в руках клюку или кочергу. Памятуя об этом, не следует думать, что Эхидна была из числа таких уродин. Еще Гесиод помнил, что она прекрасна ликом. Правда, добавлял, что при этом ужасна в своей змеиной сущности, но это, похоже, присуще многим красавицам.

А. С. Фаминцын в книге «Божества древних славян» назвал русалку «светлой, златовласой, русовласой Богиней». Само слово «русалка» происходит от прилагательного «русая». Одно из народных названий русалки – «краса – русая коса». В заговорах забайкальских казаков русалка – это русая девица. И. П. Сахаров в сборнике «Сказания русского народа» приводит предания о «русалках-девицах с русыми косами». Как и всякая русалка, Эхидна (в своем первоизданном образе) представляла как северная русоволосая красавица. И

лишь впоследствии, поскольку змея выступает одним из символов божества плодородия, ее стали изображать змеедевой.

Причерноморская надпись называет имя отца Эхидны Аракса, но никаких сведений о других родственниках не дает. В отличие от нее, классический свод греческих мифов предлагает другую, и более полную, версию ее родословной. Согласно ей, родителями Эхидны выступают морской кудесник Форкий и божественная дева Кето. Форкий замещает Аракса, но, как и тот, он – бог, связанный с водной стихией. Греческие буквы «фи» и «тета» схожи в написании, поэтому в греческом воспроизведении иноязычных слов «т» иногда превращалась в «ф» или наоборот. Так что имя Форкий, по нашему мнению, изначально произносилось как «Торкий». Русские глаголы «торить», «торкать» обозначают характерные действия, свойственные богу водного мира и сил плодородия. Прозвище кудесника также родственно санскритскому *tarika* – «паромщик, лодочник». Это наблюдение позволяет предположить, что, подобно древнегреческому Харону, он перевозит через воды смерти души людей. Торкий (Форкий), таким образом, осуществлял связь человека с его предками. Поэтому совсем не удивительно, что из того же корневого караса «т-р-к (г)» происходит и имя прародителя скифов Таргитая.

Форкий и Кето – дети Понта и богини земли Геи. Понт по-гречески значит «море», а Кето переводится как «морское чудовище». Русской параллелью этого мифологического образа служит «кит», точнее, рыба-кит (в сказках этого дракона называют еще Чудо-Юдой, но данное прозвище прилепилось к нему позже). Рыба-кит – морское божество, устроитель мироздания, Китеж – его священный град, сакральный центр поклонения древнему богу. Его жрецы называли себя кудесниками. По дошедшей до нас легенде, при приближении к нему татар город чудесным образом накрыли воды озера Светлояр (находится на севере Нижегородской области). Никаких следов поселения ни на берегах, ни на дне озера, однако, исследователи не обнаружили. Судьба Китежа – одна из заветных тайн русского народа. Нет никаких сомнений, что сама легенда возникла еще в языческие времена, и этот город-призрак существовал в действительности. Чуть позже мы предложим свою разгадку тайны города, но прежде обсудим важнейшую черту, объединяющую предков Эхидны. Не только отец, но также ее дед и мать являются божествами моря. Это интереснейший момент родословной скифской прародительницы, на который до сих пор не обращалось внимания. Выходит, предки скифов жили на берегу моря, только какого?

Самое простое – предположить, что это Черное море. Греки называли его Понт Эвксинский – гостеприимное море. Но, как оказывается, это не единственное решение. Поколения богов «отстоят» друг от друга на века, а то и тысячелетия. В связи с этим стоит вспомнить, что таяние ледникового покрова (X тыс. до н. э.) вызвало подъем уровня Мирового океана на 125–150 метров. Воды затопили обширные пространства Русской равнины. Максимум подъема, как считают некоторые исследователи, приходится на 9600 г. до н. э. Эта дата согласуется с той, которую назвал Платон как дату опускания Атлантиды (9570 г.).

Советский и российский географ Михаил Григорьевич Гросвальд (1921–2007) выпустил в 1999 г. книгу «Евразийские гидросферные катастрофы и оледенение Арктики». Она невелика по объему, да и тираж ее составил всего 1000 экземпляров. Но значение ее со временем будет только расти. Выдающийся гляциолог, М. Г. Гросвальд высказал и научно обосновал теорию возникновения евразийских потопов. Его основная идея состоит в том, что ледники формируются не на континентальном шельфе, а непосредственно вблизи Северного полюса, в толще воды. Одним из следствий этого служит то, что ледниковые щиты могут перекрывать проливы (пути оттока воды) и способствовать образованию гигантских арктических озер (по Гросвальду, с высотой до 200–400 м над уровнем океана). В моменты потепления климата подводная «плотина» разрушается, и вода из озера прорывается на континент. Из-за огромного перепада высот она несется с огромной скоростью, уничтожая все

на своем пути. М. Г. Гросвальд предполагает наличие в прошлом шести таких катастроф. Три последние по времени происходили соответственно 11,5; 9,6 и 7,6 тыс. лет назад. Первый из этих потопов совпадает по времени с традиционной датой гибели Атлантиды. Из трех выделенных потопов он, видимо, был наиболее разрушительным, а тогда именно его следует называть Всемирным.

Теория Гросвальда гениально просто объясняет причину затопления Евразийского пространства в послеледниковую эпоху. На физической карте Евразии, согласно принятой картографами традиции, светло-зеленым цветом раскрашены области суши с высотой от 0 до 200 м над уровнем моря. Темно-зеленый цвет на карте имеют более низкие, а светло-коричневый и коричневый – более высокие участки суши. Во время Всемирного потопа, когда уровень океана поднялся до 150 м, затопленными должны были оказаться только области с зеленой раскраской: «темно-зеленые» полностью уходили под воду, а «светло-зеленые» – частично, в зависимости от своей высоты над уровнем моря. К ним относятся европейские равнины, Западно-Сибирская низменность, приаральские земли и т. д. Одним из следствий потопа было образование в самом центре Евразии огромного моря или, лучше сказать, океана. Можно спорить о его границах, но он включал, очевидно, Черное, Азовское, Каспийское и Аральское моря и «залезал языком» в Сибирь. Воды океана также поднялись далеко вглубь Русской равнины по руслам впадающих в него рек, затопив в значительной степени ее территории и образовав водоем, который естественно назвать Русское море. Предпоследний и последний по времени «гросвальдовские» потопы подпитали его, залив русскую Атлантиду еще дважды.

Русское море напоминало гигантского змея, распластавшегося с юга на север, и по ассоциации с санскритским словом *ṛhaṇī* – «змея» его стали называть Понтом. Как супруг богини земли Геи, Понт представлялся Великим Змеем, создателем мира. В пользу нашей этимологии говорит также и то, что внук Понта Ладон изображался змеем, а внучка Эхидна – змеедевой.

Нижегородец Дмитрий Владимирович Квашнин в книге «Русь от Столпа Святогора» попытался обозначить реальные контуры Русского моря и восстановить историю его гибели. По мнению исследователя, максимально стабильный подъем его вод соответствовал 85–90 м над уровнем океана (для сравнения, уровень современных Волги и Оки в районе Нижнего Новгорода более чем на 20 метров ниже). Д. В. Квашнин пишет: «Единое Русское море, поднявшись по руслам текущих в него рек, доходило до современных городов: Киева по Днепру, Воронежа по Дону, Ярославля и Костромы по Волге, Владимира по Клязьме, Ветлуги по реке Ветлуге, Алатыря по Суре, Уржума по Вятке, Сарапула по Каме и Уфы по реке Белой. На берегу этого моря или в его близости стояли такие современные города, как Кишинев, Кривой Рог, Днепропетровск, Черкассы, Полтава, Запорожье, Луганск, Элиста, Оренбург и Грозный. Все эти города (их исторические центры) занимают территории, находящиеся на абсолютных высотах около 90 м. Образ этого моря отразился во многих старинных русских сказках под названием «море-окиян».

Неожиданно, не правда ли? Но это только часть, бесспорно, выдающегося открытия Квашнина. Причем не самая шокирующая. К еще более удивительному выводу он приходит, изучая рельеф и современные русла рек Центральной России. Исследователь выдвигает (и обосновывает) гипотезу, что Гороховецкий отрог (территория Владимирской области) не имел современного разрыва между городами Гороховец и Горбатов, а был частью Мещерских гор. Но если это верно, то изначально целостный отрог мог выступать в виде плотины, сдерживающей воды прилегающей к нему котловины. По мысли Квашнина, это было громадное озеро, из которого путем прорыва Гороховецкого отрога впоследствии образовалась река Ока. Этот водоем «находился на территории Московской, Владимирской, Нижегородской, Тамбовской, Рязанской областей и Республики Мордовия. Своими водами он заполнял

естественную чашу, ограниченную с запада восточными склонами Среднерусской и Смоленско-Московской возвышенностей, с востока – западными отрогами Приволжской возвышенности, с юга – Окско-Донским водоразделом, с северо-востока – Гороховецким отрогом Мещерских гор» (Д. В. Квашнин. Указ. соч.). По своим размерам очерченный водоем не уступал современному Азовскому морю, а его абсолютный уровень составлял как минимум 125 м, то есть на 40 с лишним метров был выше уровня Русского моря. Образованию современной Оки, таким образом, предшествовал прорыв водою части Гороховецкого отрога (его ширина в самом узком месте менее двух километров).

Дорогой читатель! Не торопитесь утверждать, что это невероятный сценарий. Вода, как говорится, камень точит. А что до границ необычного водоема, то судите сами. Высота центра Коломны – 125 м, Шатуры – 125 м, Гусь-Хрустального – 125 м, Меленок – 130 м, Шатков – 130 м, Ряжска – 125 м, Рязани – 130 м. Все эти города расположены примерно на одном уровне, и объясняется это тем, что они находятся на месте древних поселений, которые ранее стояли на берегу предполагаемого водоема. Квашнин придумал сценарий потопа, в общих чертах схожий со схемой Гросвальда. В обоих случаях формируется «озеро» с повышенным уровнем составляющих его вод. Но если у Гросвальда этот процесс происходит в океане, то у Квашнина – на континенте. Перепад высот воды у «океанских» потопов на порядок выше, но их эпицентры отстояли дальше от центра Русской равнины. Поэтому масштабы катастроф в центре и на юге России в обоих случаях могли быть сопоставимы.

Согласно сценарию Квашнина, прорвав Гороховецкий отрог, огромная волна прокатилась вдоль современного русла Волги, губя ее прибрежных обитателей, и вырвалась на простор Русского моря. Поселения людей, находившихся на его берегах, были снесены потоком, который в своем движении добрался до морей Евразийского океана, а через черноморские проливы и до Средиземного моря. Сам автор гипотезы датирует потоп временем глобального катаклизма, т. е. X тыс. до н. э. Но с этим нельзя согласиться. При всей масштабности воображаемой картины потопа он все-таки охватывал только области Русской равнины и Восточное Средиземноморье и не затрагивал северные районы. Более того, есть одно очень веское доказательство в пользу более ранней датировки этой катастрофы.

Основной удар стихии пришелся на земли Нижегородской области. Но именно на ее территории с незапамятных времен живет легенда о граде Китеже. Народное предание, однако, связывает это название не только с озером Светлояр, а с городом Городец на Волге. Его называют еще малый Китеж в противоположность большому граду, который якобы приказал построить князь Юрий Всеволодович. Никаких следов большого Китежа не найдено, и самое время признать, что его в действительности никогда не было. Реально же существовал только малый Китеж. Он стоял на месте нынешнего Городца и был затоплен водами потопа (город находился поблизости от Гороховецкого отрога). Произошло это, конечно же, не во время Батыева нашествия, а гораздо раньше. Люди, выжившие после потопа, сохранили память о катастрофе, но в силу своей древности легенда обросла новыми подробностями и даже приобрела христианский смысл.

Но сохранилось главное – память о затоплении города и его название. А еще люди говорили, что давным-давно горы по берегу Волги в южной части Городца назывались Китежскими. Потом их стали звать Пановы, поскольку, по легенде, они представляют курганы, где были погребены в древности огромные, рослые люди – «паны», старые, настоящие хозяева этих мест. Историки соотносят настоящих хозяев с угро-финским племенем мери, но, скорее всего, ими были индоевропейцы. И, думается, после китежской катастрофы в лексиконе древних ариев появились слова, родственные имени города: *kheta* – деревня, городок; *kata* – бездна, глубина, дно; *khata* – яма, колодец, пруд, ров.

Но когда же, хотя бы приблизительно, случилась эта беда? Возможность датировать затопление града Китежа позволяет древнерусское историческое сочинение XVII века,

известное под названием «Сказание о Словене и Русе». Оно было чрезвычайно популярно в народе. По признанию современных специалистов, общее число списков этого произведения, имевших хождение на Руси, не поддается учету (сегодня известно около 100 текстов, не всегда совпадающих друг с другом). Сказание представляет запись устной легенды, в течение многих веков передававшейся от поколения к поколению.

Оно начинается рассказом о том, что Скиф и Зардан вместе со своими родами спустя некоторое время после потопа обосновались в Ексинопонте (Причерноморье). «И живяху тамо многа лета, и от сих породишася сынове и внуцы и умножася зело, и прозвашася по имени прадеда своего Скифа Скифия Великая». Мы возвращаемся к скифской теме, она главная! Наступил черед русской версии происхождения скифов. Специалисты не жалуют ее, а ведь это сведения из первых рук, от наследников славы Великой Скифии, русских Геродотов. Ну, хоть бы помянули наши выдающиеся академики, что в XVII веке все были уверены, что русские и славяне – потомки скифов, и Ломоносов, отстаивая в следующем веке эту идею в Академии, выражал не личное мнение, а суть исторической традиции, хранившейся в русском обществе с более древних времен.

Сказание сообщает, что рядом со скифами проживал род Зардана. Это имя можно прочитать как «Царь (древнее «Сар») реки». Опять мы попадаем в круг ассоциаций, связанных с водными источниками. Зардана естественно отождествить с Танаем Помпея Трога и Понтом. Он олицетворяет более древних обитателей Русской равнины, из среды которых выделились скифы. Произошло это после потопа, который датируется автором 2242 годом от сотворения мира. Православная церковь соотнесла его с 5508 г. до н. э. Это условная дата и самостоятельного значения, очевидно, не несет. Другое дело, дата потопа, под которым естественно понимать катастрофу в Волго-Окском междуречье. Нам неизвестна методика расчета времени древних сказителей, но напрашивается предположение, что жрецы вели счет годов именно от потопа, и это число было абсолютным. А поскольку существовала летописная традиция отсчета времени от начала мира, то точно определяемые сроки (от потопа) пересчитывались определенным образом. Итак, у нас есть основание считать, что время скифские историки отсчитывали от реальной катастрофы, произошедшей на их земле, и потому ее датировка – 3266 г. до н. э. (она получается, если из 5508 вычесть 2242) – представляется нам обоснованной. Это время и есть дата гибели града Китежа.

Скифская история, согласно летописцу, начинается позднее. Когда конкретно, он не уточняет, но сообщает, что «в лето от сотворения света 3099 (2409 г. до н. э. – А. А.) Словен и Рус с роды своими отлучишася от Ексинопонта» направились на север. После 14-летних странствий первый из них основал город Словенск (Великий Новгород), а второй – Старую Русу. Ученых пугает столь раннее упоминание о славянах и русских, они и скифов-то на исторической сцене видят только с первой половины I тыс. до н. э. Но здесь нужно просто объясниться с терминологией. Автор сказания говорит о прямых предках славян и русских (то есть праславянах и прарусах), которых соотносит со скифами. И в этом смысле он нисколько не оригинален. Античные авторы запросто именовали скифами народы, проживавшие к северу от Причерноморья. Тот же Помпей Трог вел отсчет истории скифов с середины IV тыс. до н. э. (об этом позже). Летописец освещает единую линию древнерусской истории, поэтому информацию, содержащуюся в «Сказании о Словене и Русе», следует воспринимать всерьез. Наступит время, и археологи откроют в районе Новгорода следы городской культуры III тыс. до н. э., обязательно откроют.

Но вернемся к нашей героине. По Геродоту встреча Геракла и Эхидны произошла в единственной области в земле скифов, где есть деревья. Это не Причерноморье и не южно-русские степи. Слово «Эхидна», если считать его первую половину Эхи (санскритское *Ahi*) именем собственным, можно прочитать как словосочетание «Ока-река». С другой стороны, речного бога Аракса, с которым сражался Геракл, соотносят с Волгой. Следовательно, сви-

дание Геракла и Эхидны произошло в районе Нижнего Новгорода, месте встречи двух рек. Нижегородский край славится своими лесами. Да и совершенно естественно после потопа было возвратиться людям к священным китежским местам.

Эхидна проживала в пещере. В Нижнем Новгороде есть Печерская слобода и жилой микрорайон Печеры. Свое название они получили по Печерскому монастырю, основанному в 1328 г. Дионисием. Монастырь был построен в волжской полугоре. Монахи вначале жили в земляных кельях – пещерах (пещерах), что и послужило основой его названия. Но надо полагать, что пещеры существовали здесь с более древних времен. К тому же хорошо известно, что христианские храмы воздвигались на месте языческих капищ. Все это позволяет предположить, что в горе над Волгой существовала некогда культовая пещера, где жрицей была Эхидна.

Эхидна – мать Скифа, и ее ближайшие родственники, следовательно, должны каким-то образом символизировать народы, состоящие в родстве со скифами. У Эхидны один брат – змей-прорицатель Ладон, и шесть сестер – три горгоны и три граи (некоторые причисляют к ним еще гесперид). От Тифона Эхидна родила трехголового пса преисподней Кербера, многоголовую морскую змею Гидру, огнедышащую козу Химеру с головой льва и телом змеи, а также двуглавого пса Орфа. От этого своего чада Эхидна родила Сфигса (Сфинкса) и Немейского льва. Во всей мировой мифологии, пожалуй, не найдется другой такой семьи диких животных. Если Эхидна и Ладон, продолжая «генетическую» линию родителей, предстают земноводными существами, то Горгоны и Граи (вороны) – летающие существа, а порождения Эхидны, за исключением Гидры, сухопутные животные. Роль рек и водоемов в жизни народа, поклонявшегося правнукам Понта (моря), заметно уменьшилась. Это следует связать с исчезновением Русского моря как одного из следствий потопа. Боги поколений Эхидны и ее детей отражают в своих образах реалии нового времени. Попробуем, разглядывая их портреты и расшифровывая их имена, угадать ту историческую обстановку на Русской равнине, которая предшествовала рождению скифской общности (на языке мифа времени прихода сюда Геракла).

Ладон – сын Форкия и Кето – известен как страж золотых яблок в саду Гесперид. Этот чудный сад находится у реки Океан. На нашей планете есть только одна река со схожим названием – Ока. Согласитесь, дорогой читатель, что наша мысль об особой роли Оки в жизни индоевропейцев находит еще одно подтверждение. В мифах древних греков она обозначала край мира, но эти слова понимались ими не в географическом аспекте. Родившаяся в результате катаклизма и затопившая град Китеж, она символизировала границу с потусторонним миром. Это река, обтекающая языческий рай, через нее переправляются души из мира людей в царство теней. А перевозчиком их служит змей Ладон. Не случайно его имя одного корня со словом «ладья».

Относительно происхождения имени змея и его корня «лад» следует поговорить особо. Заглянув в «Этимологический словарь русского языка» Макса Фасмера, мы с удивлением обнаружим, что у слова «лад» надежной этимологии нет. По-другому, филологи считают, что оно родилось на общеиндоевропейской почве и оригинального смыслового значения в славянских языках не имеет. Такой вывод, однако, выглядит очень странно.

В русских народных песнях слово «лад» означает нежно любимого друга, мужа, любовника, а в женской форме «лада» – подругу, жену, возлюбленную. «Лады», – говорят люди, когда решили какое-то важное дело и достигли согласия, а в древности ладником называли уговор о приданом: лады – помолвка, ладило – сват, ладканя – свадебная песня. «Ладовые» песни исполнялись преимущественно девушками. В Болгарии их называли «ладовицами», а их хороводы – «ладино коло (хоро)». В большинстве этих песен «Лада», «Лад» – обычно лишь простой припев. Но в одной русской песне говорится:

Благослови, мати,
Ой мати Лада, мати!
Весну закликати...

Здесь Лада – богиня весны, богиня-мать. Что же получается, все эти сакральные слова славяне позаимствовали у другого народа? Давайте разбираться.

О. Н. Трубачев трактовал слово «лада» в контексте славянских терминов родства. Согласно ему, праславянское *lada (звездочка означает, что слово это гипотетическое и существовало в эпоху индоевропейского единства) восходит к индоевропейскому корню *aldh – «выросший, зрелый», который дал в германском языке aldi – «человек». Первичным значением славянского слова он считает «старший, муж, мужчина» (сравни: упоминание лад – возлюбленных мужей в «Слове о полку Игореве»). Перенесение этого слова на женщину – вторично. Песенный рефрен «дед-ладо», «дид-ладо» объясняется при этом как название старшего родича (деда) и именное определение при нем.

Пусть извинит меня читатель за столь подробное погружение в языкознание. Но сделано это намеренно. Ведь вы почувствовали, что маститый ученый перемудрил. Ведь никакие хитроумные построения не обманут родовой памяти и сердца, которое откликается на заветные слова, пронесенные сквозь тысячелетия. Тем более если это имена богов. Но свои предчувствия надо доказывать.

Есть в русском языке одно древнее, но удивительное по богатству охватываемых им смысловых ассоциаций слово. В настоящее время оно почти не употребляется, и мало кто даже слышал его. Но теперь уж точно никогда не забудет. Ляда (лядина) – пустошь, заросль, покинутая и заросшая лесом земля, запущенные заросли, чищоба, починок, посека, кулига, валки, пожог, лесной перелог, лесок по болоту, березнячок с хвойным посадом, то есть мешаный; вообще: низкая, мокрая и плохая почва; мочожина с мелким леском, ляга, болото с яминами, лыва, постоянная лужа, полой. Казалось бы, простенькое слово из четырех букв, но как же многозначно оно! Тут же проявляется смысл названий нижегородских сел и деревень, в которых автор бывал раньше – Ляды, Валки, Починки. Общее для всех них в том, что они стоят на плохих и, большей частью, мокрых почвах. Но как в одном слове уместились столь разнообразные «картинки»?

Давайте немного пофантазируем. Представим, например, территорию, с которой отступил ледник. Долгое время здесь еще будет болото с яминами или ляга (лужа, пруд). С наступлением теплого климата в этих краях на пустошах вблизи водоемов появятся лесочки, где березки будут чередоваться с хвойными растениями. Еще позже люди, пожелавшие окультурить этот кусочек земли, начнут осушать болота и устраивать пожог выбранных для земледелия участков леса. Край будет постепенно преобразоваться, а изначальное название местности – «ляда», которое мы предлагаем производить от слова «лед», будет оставаться неизменным. В итоге слово «ляда» обретет множество значений.

Итак, мы предлагаем следующую схему рождения «лада»:

ЛЕД → ЛЯДА → ЛАДА

В нашей интерпретации в своем изначальном значении лада – это ляда, неокультуренная, влажная почва. Соответственно, богиня Лада – это Мать сыра земля. Слова «лада», «лад» происходят от «ляды», но последняя непосредственно связана с корнем «лед». Именно с оттаявшей ото льда землей первоначально соотносилась ляда (возможность перехода «я (йа)» в «а» трудно отрицать). Даже в слове «лед» корневая гласная в некоторых славянских языках изменяется: в словацком – l'ad, в польском – lod, в древнепрусском – ladis. Но что самое важное: для слова лед «за пределами балтославянской группы бесспорных соответ-

ствий не имеется» (Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Русский язык, 1993).

Соединяя понятие твердого, неизменного льда со словом «лад», мы объясняем, почему последнее имело значение «порядок», «согласие». Соглашаясь с О. Н. Трубачевым, что отношения родства, отражаемые этим словом, являются следствием общих корней индоевропейских народов, мы, однако, воспользуемся примерами из русского языка. Пусть извинит нас читатель, но наше ненормативное слово «елда» (мужской половой член), наверное, все же архаичнее германского «человека». Во всяком случае, указав на него, мы вправе говорить об автохтонности общеславянского корня «лад». Это означает, в частности, что все многочисленные топонимы, содержащие корень «лад», даны предками русских и славян. Наиболее известные среди них – Ладожское озеро и город Ладога. Но не забудем, что древним названием Греции было Эллада, и была в ней и область Элида. А на территории Малой Азии, чуть южнее знаменитой Трои, находилась историческая область Лидия. Эти земли обживали люди, почитавшие богиню Ладу и ее мужскую параллель – Ладона. В Греции Ладон был известен в двух ипостасях: как речной бог и как змей, стерегущий золотые яблоки в саду Гесперид. В обоих случаях он – потомок морских божеств: в первом – сын Океана и Тефиды (его сестры), породившей все реки и три тысячи океанид, а во втором – сын морских чудовищ Форкия и Кето, брат Эхидны.

На русской почве Ладон трансформировался в образ хранителя силы земли Русской, и называть его стали Алатырем. Латырь (Алатырь) – в русских средневековых легендах и фольклоре камень, «всем камням отец», пуп земли, наделяемый сакральными и целебными свойствами. В «Голубиной книге» и русских заговорах Алатырь – «бел горяч камень». Пуп значит «гора», «яр», а «Латырь» – «ледяной яр» (ледырь), лед-камень, «Лад-Яр». По своему происхождению этот образ северный. Сверкающий на солнце лед действительно похож на белый, горящий огнем камень. Алатырь лежит в самом центре мира, посреди океана, на острове Буяне. Под тем камнем сокрыта вся сила земли русской, и той силе конца нет.

Из-под Алатырь-камня текут источники, дающие всему миру пропитание и исцеление, то есть живая вода. Алатырь – символ мужского плодородия (не забудем о связи его названия с нашим ненормативным существительным). В архаическую эпоху вертикально стоящие камни (ритуальные фаллосы) выступали в роли святилищ бога любви. Поэтому Алатырь-камень символизирует супруга Лады. В незапамятные времена Балтийское море называлось Алатырским. Ледяная Балтика (ледяное болото), лядина с возвышающимся над ней айсбергом – олицетворение любовного союза Лады и Ладояра.

В храме Природы Алатырь – алтарь Лады. По имени камня названы возвышения рельефа – (В)алдай, Алтай, Алданское нагорье (Якутия), и отдельные города, находящиеся на них: Алатырь (Приволжская возвышенность) и Ялта (Крымские горы). Это сакральные центры культа Лады. Но культ Лады и ее возлюбленного распространялся с Русского Севера не только в балканском направлении, но и на юг и юго-восток.

Образ Эхидны мы соотносим с рекой Окой, образовавшейся в результате потопа 3266 г. до н. э. Эта катастрофа привела к серьезнейшему упадку всех племенных групп, проживавших на средней и нижней Волге и на юге Русской равнины. Но потоп не затронул Среднерусскую возвышенность, верхнюю Волгу и север России. На Валдайской возвышенности в то время проживали племена, почитавшие богиню Ладу и ее супруга (В)алдая (Ладояра, Алатыря). Спустя какое-то время после потопа они двинулись на юг и начали осваивать опустевшие территории. Первой их остановкой был Алатырь на Волге, ближайшая крупная возвышенность, находившаяся на пути потопа. Логично предположить, что та часть современной Волги, которая находится ниже места слияния ее с Окой, раньше (по крайней мере, сразу после катастрофы) тоже называлась Окой. То есть масштаб «древней Оки» был намного выше всех рек региона, тем более что эта «Ока-Волга» впадала в Евразийский океан. Вот

такую реку древние греки и вспоминали, как реку Океан, на берегу которой живут Ладон, Горгоны, Граи и Геспериды.

Появление в змеином роду Понта крылатых богинь свидетельствует и об изменении религиозных представлений у народов, проживавших в Волго-Окском междуречье. Божества водной стихии на тот момент еще не утратили своего верховного положения, но имеют серьезную оппозицию в виде богинь, олицетворяющих, подобно Медузе, солнце. Уже в следующем поколении богов ситуация кардинально меняется. Из всех детей Эхидны только Гидра связана с культом воды, и мы вправе предположить, что эта религиозная реформация связана с какими-то важными историческими переменами. Более того, до того, как Геракл появляется у Эхидны, он последовательно расправляется с ее детьми. То есть убиенные героем порождения Эхидны в мире мифологии отражают ту историческую почву, на которой произошло племя скифов.

Отцом Кербера, Гидры, Химеры и Орфа является Тифон. Мы уже говорили об особенностях греков замещать букву «т» на «ф», поэтому изначальным именем Тифона было Титан (то же чередование букв наблюдается и при записи имени Орта). Слово «титан» восходит к общиндоевропейскому корню, который породил русские понятия «тятя» («отец»), «тетя». На санскрите (а также по-древнегречески и на латыни) слово «отец» значит *tata*, а слово «мать» – *tta*. В контексте нашего исследования это служит одним из доказательств, что в Волго-Окском междуречье в предскифские времена проживали не угро-финские народности, а индоевропейцы.

Кербера называют первым при перечислении потомства Тифона и Эхидны. Это чудовищный пес с тремя головами и туловищем, усеянным головами змей, и змеиным хвостом. В греческих мифах он выступает как страж подземного мира, и если говорить по большому счету, то рассматривается как персонаж не первого и даже не второго плана. Но сопоставим его с героем древнеарийской мифологии Куберой. Их имена созвучны. Кубера получил статус бога от Брахмы в награду за благочестие и подвижничество. Он страж скрытых в земле сокровищ и хранитель севера. Каркас согласных в его имени «к-б-р» – индийский дубликат русской последовательности согласных «с-в-р», присутствующей в слове «север». Кубера – уроженец севера, его имя, как и Кербер, произошло именно от этого русского слова. Во всяком случае, все они выросли из одного корневого гнезда.

То же самое можно сказать и про кабиров – хтонических (т. е. земных и подземных) божеств плодородия и покровителей мореплавания. По преданию, они входили в окружение Великой богини Реи, их культ процветал на островах Самофракия, Имброс, Лемнос в Эгейском море и в греческих Фивах. Культ кабиров или, как их именовали, «великих богов», в период поздней античности сближался с орфическими таинствами и носил характер мистерий, требовавших особого посвящения. Традиционно их называют божествами малоазийского происхождения, но их родина – Русская равнина. В Грецию и Эгеиду их культ принесли переселенцы, мигрировавшие сюда. Греки называли их кебренами. Во II половине II тыс. до н. э. фракийское племя кебренов было активным участником малоазийской истории.

Гидра обитала в местечке Лерна на юге Греции, но родилась-то она значительно севернее, в краю русских рек. Лерна находится на берегу моря, поэтому культ Гидры пришел на территорию Эллады, скорее всего, морским путем. Имя Гидры созвучно названию крупнейшего фракийского племени одрисов (середина I тыс. до н. э.). Божественного двойника Гидры знает каждый, кто читал русские сказки. Это Чудо-Юдо или просто Юдо. Русский образ божества и архаичнее (у него есть огненный палец, регенерирующий отрубленную голову; у Гидры же отрастают две новых головы взамен одной), и многообразнее греческого: в сказках Юдо предстает то многоглавым Змеем, то отцом Василисы Прекрасной, то стариком-водяным. Он – чародей и колдун, оборотень, но он также и божество воды. Имя же его происходит от корня «уд», который в русском языке порождает слова «удочка», «утка», свя-

занные с водой, а в санскрите *udgīn* – изобилующий водой, *udaka* – вода. В греческом языке «идор» – вода, а «идра» – водяной змей, отсюда и греческое имя Юды – Гидра. Смысл же самого понятия «уд» – это не только фаллос, но и вообще член человеческого тела. В сказке о Даниле Бессчастном говорится, что у Чудо-Юды была только борода. Голова языческого бога: волосы, глаза, уста, борода, уши имели сакральное значение, и в каждой из этих частей тела – «уде», – заключалась сила бога (чаще в волосах и бороде). Поэтому для волхва-сказителя достаточно было поведать лишь о бороде (о, деликатность и поэзия волшебной сказки!), не упоминая другие «уды», и слушателям было ясно, кто это существо, и что оно обладает неслыханным могуществом (чарами). Отличительное свойство змея Чудо-Юдо и Гидры – умение восстанавливать уничтоженные головы (уды), так что глубинный смысл имени диктует и образ чудовища.

Химера проживала в Ликий – горной местности в юго-восточной части Малой Азии. Там ее уничтожил греческий герой Беллерофонт. Истоки этого мифологического образа, однако, опять не греческие. Греческое понятие Химера происходит от слова Кимара. Оно образовано соединением общеиндоевропейского понятия Ки – «великая», «могущественная» с именем Мары – верховной богини народа ариев (Мария = Мать Ария). Почитавшие ее воины называли себя в Передней Азии и на Ближнем Востоке «амореями», «марианнами», в Урарту – «мариями», а на юге России – «киммерийцами». Изначально так именовали юношей-девственников, служивших жрецами богини, но впоследствии прозвище перешло и на все сословие воинов. Так, на санскрите Кумара («*kaumara*») означает: 1) юный; 2) девственный; 3) относящийся к богу войны Кумаре. Химера символизирует арийских воинов, сражавшихся в Малой Азии. И мы едва ли ошибемся, если соотнесем их с историческими амореями (киммерийцами).

Амореи, выдвинувшись в начале II тыс. до н. э. из южнорусских степей, стали активными участниками истории в Передней Азии и на Ближнем Востоке. На территории Сирии и Северной Месопотамии они создали государство Митанни. Его верховным богом был Кумарби – мужская параллель Химеры. Он носил титул «отец богов» и именовался богом зерна. Соседние с митаннийцами хетты изображали его с колосом в руке. Функции бога плодородия, характерные для Кумарби, были первичными для Химеры. Агрессивной и воинственной ее сделала более поздняя традиция.

Последний по счету, но не по значению, ребенок Тифона и Эхидны – пес Орт. Местом его обитания греческий миф называет остров Эрифия, расположенный далеко на западе в Океане. Исследователи устали гадать, где же находится это заповедное место. Но все они в основном изучали западные по отношению к Греции побережья океана. Но для древнего человека понятие «запад» означало не только сторону, где заходило солнце. Это еще и область вечного мрака, это Русский Север, где солнце не появляется по полгода. Так что взоры свои мифологи должны были бы направить на северо-восток от Эллады. Тем более что, как мы показали, мифический океан греков – это река Ока. В общем, заповедный остров Эрифия находился на Русской равнине. Несколько забавно, но и очень символично, что аббревиатура Российской Федерации, произнесенная врасплох, в точности воспроизводит название таинственного острова.

Как и Кербер, Орт проживает неподалеку от матери. Однако что же означает его имя? В нем, как оказывается, скрыта бездна смысла, и несказанно удивляет, как до нее не докопались ученые. Но не будем сразу раскрывать карты.

Филолог О. Н. Трубачев в своем исследовании о терминах родства пишет, что родъ, родити означало сначала «успех», «процветание», «прибыль», «забота». Он считает старославянское «родъ» «чисто славянским новшеством» (правильнее, чисто русским), новым использованием индоевропейских морфем и отмечает часто встречающуюся метатезу (переход): род – ард – арт. Это дает дополнительные значения: «род», «происхождение» (немецкое

art); «высокий», «большой» (ирландское ard, галльское ardu). В скифском языке ard является культовым термином, обозначением божества. По мнению В. И. Абаева, arta – ard – одно из важнейших религиозных понятий иранского мира – «божество», «олицетворение света»; осетинское ard – клятва, первоначально «божество, которым клянутся».

Имя Рода породило название божественного закона, который почитали древние русичи. Закон Рода – это древнерусская «рота». В летописях «рота» используется для утверждения и закрепления межкняжеских и международных договоров. Они были двух видов: либо договор о мире и ненападении, либо о союзе, как правило, военном. «Роту» издревле использовали также при разрешении в судебном порядке юридических споров, причем как между самими русскими, так и между русскими и иностранцами. Термин «рота» использовался в договорах с Византией 911 и 944 гг. Многократно упоминается он и в «Русской правде» XI века – основном юридическом памятнике Древней Руси. На Русском Севере и в Сибири до сих пор используют слова: «рота» в значении «божба, клятва», «ротить» – «бранить, ругать, клясть, проклиная». «Этот факт является одним из наиболее ярких и наглядных свидетельств того, какое огромное значение придавал русский народ роте и какое место этот закон правды и справедливости занимал в его духовной и нравственной жизни» (М. Л. Серяков. «Голубиная книга» – священное сказание русского народа). Мы же добавим от себя, что верность роте подразумевает память о своих древних традициях (родовую память) и о бже Роде, который ее олицетворял.

Православное духовенство всеми правдами и неправдами пыталось искоренить в народном сознании память о «роте». С этой целью, например, «редактировались» летописи. М. Л. Серяков в указанной выше книге приводит целую дюжину примеров варварского искажения текста «Повести временных лет». Он подчеркивает, что апологеты христианства при этом не столько боролись с самими языческими представлениями, сколько пытались «навязать народу закон иудеохристианской традиции». В противовес русскому закону-роте ветхозаветные заповеди носят откровенно приземленный характер. Табу на имя Бога, запрет на интерес к чуждым верованиям и какую-либо деятельность в субботу, элементарнейшие нравственные установки. В дополнительном толковании десяти заповедей (Исход 34: 11–26) уточнены некоторые ритуальные элементы культа, однако и они лишены какого бы то ни было космического, вселенского начала.

Древнерусская рота – это переживший тысячелетия вселенский закон ариев, который «Веды» называют rta (иранцы именовали его arta). Модель мира ведийских (т. е. почитавших «Веды») ариев была ориентирована на космос. Жизнь человека представлялась им сопряженной с космосом посредством универсального закона rta, обозначающего регулярный и циклический характер и предполагающий возврат к исходной точке. По закону rta встает и заходит солнце (выезжает на своей колеснице Сурья, будучи конем и колесничим одновременно; поднимает золотые руки Савитар = Свет-Яр, побуждая к жизни все живое утром и успокаивая вечером); одно время года в установленном порядке следует за другим. Все повторяется, как было в незапамятные времена, и, следуя rta, человек воспроизводит цикличность космических явлений в своем жизнеустройстве, поддерживая тем самым порядок в космосе и в человеческом обществе и создавая условия для нормальной и успешной жизни своего племени. Rta являлся одновременно и этическим законом в обществе ариев. Хорошо и правильно то, что этому закону соответствует, а плохо и несправедливо непочитание арийских богов, непринесение им жертв, скупость в отношении жрецов и поэтов, слагающих религиозные гимны. Для ведийского сознания характерна сосредоточенность внимания на положительной сфере, на том, что соответствует rta, и неразработанность отрицательной: силы зла в «Ригведе» выступают героями «третьего плана».

Удивительный и малоизвестный факт: на протяжении тысячелетий жители Русской равнины хранили верность и почитали один и тот же религиозный закон. Это ли не доказа-

тельство преемственности поколений от ариев до наших дней! Имя «Орт» созвучно названию всемирного закона, который почитали арии, и совершенно естественно вписывается в цепочку имен

RTA (ARTA) → OPT → POTA → РОД.

Двуглавый пес Орт выступал символом мирового закона, который почитали арии. Собака была одним из тотемов арийцев. По-санскритски «собака» значит «сарама». От этого слова происходит название знаменитого местечка в черте Нижнего Новгорода (сейчас это отдельный район) – Сормово. Тут, по-видимому, находилось одно из его святилищ. Неподалеку от священной пещеры Эхидны. И это крайне важный момент, поскольку Эхидна произвела от Орта еще двух мифических существ – Немейского Льва и Сфигсу (греки переименовали ее в Сфинкса). Оба эти чада закончили свою жизнь в далекой Элладе, что указывает на миграции туда с берегов Волги арийских племен.

У Орта, поскольку он стал супругом матери, был более высокий статус, нежели у других детей Эхидны и Тифона. Следы почитания бога-собаки остались и в русской культурной традиции. Слово «собака» можно прочесть, как «се баха» – это бог. В текстах прошлых веков встречается ругательство «собака-царь», но в древние времена это было сакральное выражение, имеющее смысл «божественный правитель». Название города Чебоксары – слегка искаженная его форма. Уместно предположить, что здесь размещалась резиденция арийского царя. Историки связывают проникновение (точнее, возвращение после потопа) ариев в Волго-Окское междуречье с распространением здесь начиная с середины II тыс. до н. э. абашевской археологической культуры. Это как раз «предскифское» время. Несколько позже в эти края придет Геракл, чтобы сразиться с Араксом, встретить Эхидну и убить Орта. Но культ божества в образе крылатого пса доживет до эпохи Крещения Руси, правда, имя у него уже будет Семаргл.

Результаты проведенного исследования удобно свести в две таблицы (смотри ниже). В первой указаны человекоподобные боги-двойники детей Эхидны. Во второй таблице сведены фонетические ассоциации между именами представителей семейства Эхидны и историческими народами, существовавшими во II–I тыс. до н. э.

Дети Эхидны и Тифона (Титана)	Антропоморфные боги – двойники (ареал культа)
Цербер	Кубера (Индия) Кабиры (Греция, Эгеида)
Гидра	Чудо-Юдо (Русская равнина)
Химера	Кумара (Индия) Кумарби (Малая и Передняя Азия)
Орф (Орт)	Род (Русская равнина)

Семья Эхидны	Народы (путь миграции)
Форкий (отец)	Фракийцы (Балканы)
Кето (мать)	Хетты (Малая Азия)
Эхидна (ahi + danu)	Ахейцы (Греция)
Ладон (брат)	Лидийцы (северо-запад Анатолии)
Цербер (сын)	Кебрены (Балканы)
Химера (дочь)	Амореи (Передняя Азия, Ближний Восток) Киммерийцы (Причерноморье, Малая Азия)
Гидра (дочь)	Одрисы (Балканы)
Орт (сын)	Арии

Идея видеть в родственниках Эхидны божественных прародителей племен возникла после того, как мы обратили внимание на следующие созвучные пары:

Форкий – фракийцы;
Кето – хетты;
Эхидна – ахейцы.

В случайность таких совпадений поверить трудно. Тем более что и хетты, и фракийцы, и ахейцы существовали в одно время и были морскими соседями. Греческие мифы не донесли до нас информацию о деяниях Форкия, Кето и Эхидны, но мы вправе заключить, что Форкий считался первопредком фракийцев, Кето – прародительницей хеттов, а Эхидна – ахейцев. В мифологии и легендах о происхождении народов это распространенное «правило». Историки и истолкователи Библии, к примеру, соотносят имена потомков Ноя с конкретными народами. Семья Эхидны – это дети Понта, а соответствующие конкретному персонажу племени – это народы, проживавшие некогда в Волго-Окском междуречье. Подытоживая эти рассуждения, добавим, что имя прародителя скифов Таргитая родилось в результате соединения имен родителей Эхидны по «формуле»

ТАРГИТАЙ = ТОРКИЙ + КЕТО.

Она подсказывает, что скифская историческая общность родилась в результате союза фракийцев и хеттов, и произошло это уже вне пределов Русской равнины.

Но память о своих мифических прародителях, проживавших там, жила в скифском народе. Приведем отрывок из книги римского военачальника и историка Флавия Арриана (ок. 95—175 гг.): «Скифские военные значки представляют собой драконов, развевающихся на шестах соответствующей длины. Они сшиваются из цветных лоскутьев, причем головы и все тело вплоть до хвостов делаются наподобие змеиных, как только можно представить страшнее. Выдумка состоит в следующем. Когда кони стоят смирно, видны только разноцветные лоскутья, свешивающиеся вниз, но при движении они от ветра надуваются так, что делаются похожими на этих животных (драконов) и при быстром движении даже издают свист от сильного дуновения, проходящего сквозь них. Эти значки не только своим видом причиняют удовольствие или ужас, но и полезны и для различения атаки, и для того, чтобы разные отряды не нападали один на другой». На знаменах изображаются священные символы народов. Поэтому нет сомнения, что скифы почитали не только свою прародительницу Эхидну, но и родственных ей богов, имевших облик фантастических драконов, и не забывали, откуда происходят их предки.

Глава 3. Северные корни Геракла

Однако какими ветрами занесло в наши края Геракла? Странно и удивительно, что никто еще не поднимал эту тему. А ведь она вполне в духе шекспировских трагедий. Судите сами: прежде чем попасть в объятия прекрасной чудодевы, Геракл убивает трех ее детей – Немейского льва, Гидру и Орфа. Расправа с Орфом происходит во время похищения быков Гериона, прямо «накануне» встречи с Эхидной. И если учесть, что этот двуглавый пес был последним ее возлюбленным, то ситуация приобретает более чем интригующий характер. Приходится признать, что появление Геракла в скифских пределах не случайно, что он прибыл сюда с какой-то миссией. В чем же ее смысл и значение?

Утверждению Геракла на греческом Олимпе предшествовал целый ряд сложнейших испытаний. К их числу относились в том числе и двенадцать знаменитых подвигов, совершенных им на службе у царя Эврисфея. **Два первых подвига** посвящены истреблению Немейского льва и Гидры. Геракл уничтожает потомков Эхидны, живущих в Греции.

Третьим подвигом стала поимка Керинейской лани. У этого быстрого пятнистого животного были медные копыта и золотые рога, как у оленя, поэтому некоторые называли его еще оленем. Это было священное животное Артемиды. Не желая убить или даже ранить лань, Геракл преследовал ее в течение года, причем охота привела его в далекую Истрию (Подунавье) и страну гипербореев. В Европе рога были только у северного оленя, поэтому мы не ошибемся, если конечным пунктом маршрута героя назовем Русский Север. Догнав измученное животное, Геракл выпустил стрелу, которая пригвоздила передние ноги лани одна к другой, пройдя между костью и сухожилием так, что не упало ни капли крови. После этого он поймал лань и, взвалив на плечи, поспешил назад в Грецию. Аполлон и Артемида хотели отобрать у него добычу, но Геракл не позволил им сделать это, сославшись на приказ Эврисфея. Такого рода аргументация выглядит, конечно же, смешно. Для божественных небожителей Аполлона и Артемиды воля земного царя ровным счетом ничего не значила. Другое дело, что и Аполлон, и Артемида – боги пришлые. Их происхождение и истоки культа связаны с таинственной северной землей, которую древние авторы называли Гипербореей. Поимка лани символизировала захват Гераклом святилища Артемиды, где ей поклонялись как «ланеподобной». Он не убивает животное (то есть не уничтожает культ Великой Богини, почитавшейся в образе Оленихи в далеких северных краях), но демонстрирует свой верховный статус перед гиперборейской богиней.

Но Гиперборея далеко. И чтобы окончательно поставить Артемиду на место, во время **четвертого подвига** он разорил ее святилище уже на территории Греции, выкрад оттуда Эриманфского вепря. Захватить живым свирепого зверя было делом исключительной сложности, однако Гераклу удалось громкими криками выгнать его из зарослей, загнать в глубокий сугроб и вскочить ему на спину. Герой связал вепря цепями, взвалил на плечи и был таков.

Пятый подвиг Геракла заключался в том, чтобы за один день очистить от навоза конюшни царя Авгия, сына бога Гелиоса. Авгий владел бесчисленными стадами, подаренными ему отцом, но десятую их часть должен был отдать Гераклу в качестве платы. Однако после того, как Геракл исполнил свое обещание, Авгий отказался от своей клятвы, пеняя герою на то, что он действовал по приказу Эврисфея. Это вызвало войну, в которой Геракл в конечном итоге вышел победителем. Гелиос – бог солнца, так его называли греки. Но изначальное имя бога было Бел. Его культ принесли в Грецию первопоселенцы этих мест, выходцы с Русской равнины, – пеласги (беласки = русые). Гелиос-Белбог не входил в олимпийский пантеон греков-ахейцев и был для них богом-чужаком. Убив Авгия, Геракл стал

хозяином священных быков Гелиоса и, позволим себе предположить, объявил себя царем-солнцем.

Шестым подвигом было изгнание стимфалийских птиц с бронзовыми клювами, когтями и крыльями, поедавших людей и считавшихся священными птицами Ареса. Получив от Афины изготовленные Гефестом медные трещотки, Геракл шумом спугнул птиц, а потом перебил их. Родиной Ареса была Фракия, и греки его явно недолюбливали. В очередной раз наш герой ущемляет интересы бога-пришельца. Недаром в этом ему помогают свои, истинно греческие божества – Афина и Гефест.

Свой **седьмой подвиг** Геракл совершил на Крите. Царь Эврисфей приказал ему поймать Критского быка. Царь острова Минос предложил герою любую помощь, которая только была в его власти, но Геракл предпочел изловить его в одиночку. Это был тот самый бык, от которого Пасифая родила Минотавра. Поэтому его можно рассматривать в качестве подлинного хозяина Критского Лабиринта. Традиция строительства лабиринтов очень древняя (III–II тыс. до н. э.). Зародилась она на севере и на Крите появилась вместе с арийскими переселенцами (пеласгами). Лабиринт порождает целый комплекс самых разных ассоциаций – это и вход в царство мертвых (мир предков), который сторожит свернувшаяся спиралью змея (Эхидна), и символическое изображение женского лона (лабиринты еще называют вавилонами – бабьи-лонами), которое живет в ожидании сакрального мгновения соединения с восходящим солнцем, символизирующим в данном случае мужское начало. Изначально лабиринт мыслился как святилище Великой Богини, в центре его спирали располагался алтарь, на котором приносились жертвы Богине. Пасифая как дочь Гелиоса олицетворяет Великую Богиню, которая издревле почиталась в качестве хозяйки лабиринта. В патриархальные времена верховная власть над лабиринтом перешла к мужскому божеству, по-прежнему олицетворявшему солнце. Этим-то и объясняется, что Критский бык изрыгает пламя (солнечный свет). Поимка быка символически отражает установление Гераклом контроля над Критским Лабиринтом. К нему же переходит и роль царя-солнца, супруга хозяйки лабиринта.

Восьмым подвигом стало овладение четверкой диких кобылиц фракийского царя Диомеда, которых он содержал прикованными железными цепями к медным стойлам и кормил мясом чужеземцев. Геракл не только похитил животных, но и нанес поражение войску Диомеда, причем самого царя он поразил ударом дубины и бросил его тело на растерзание его же собственным кобылицам, принявшимся рвать еще живую плоть. Диомед был сыном Ареса, поэтому этот подвиг Геракла следует рассматривать не только в плане расширения ареала влияния греческого героя на Фракию, но и как выпад против Ареса.

Следующий, **девятый подвиг** Геракла опять-таки крайне неприятен для греческого бога войны. В ходе похода в Малую Азию Геракл напал на амазонок и завладел золотым поясом Ареса, который носила царица амазонок Ипполита. Вернувшись в Микены, герой передал пояс Эврисфею, который подарил его своей дочери. Переход священной реликвии Ареса в чужую собственность отражал падение его авторитета на греческом Олимпе и, наоборот, подчеркивал все возрастающую роль Геракла. Богатые плащи амазонок, добытые в бою, Геракл подарил храму Аполлона в Дельфах, а топор Ипполиты вручил Омфале, царице Лидии, которая сделала его одной из священных регалий лидийских царей.

Десятым подвигом Геракла стало похищение знаменитых коров Гериона с острова Эрифия, расположенного далеко на западе в Океане. Причем великому греку запрещалось требовать этих коров или платить за них. Герион считался самым сильным из живших тогда людей, поэтому Геракла ждало смертельное испытание. Стадо трехголового великана пас Эвритион, сын Ареса, а сторожил двуглавый пес Орф. Во время своего пути Геракл очень страдал от палящих лучей солнца, и, не выдержав, однажды направил свой лук на бога Гелиоса. «Ну, это уж слишком!» – сердито закричал древнейший бог пеласгов. Геракл извинился и тут же ослабил тетиву. Не желая отставать в вежливости, Гелиос дал ему на время

путешествия свой золотой челн в форме водяной лилии, в котором он и переправился на Эрифью. Этот эпизод демонстрирует примирение старого бога с рвущимся на Олимп героем после того, как он убил его сына Авгия и завладел его святилищем на Крите.

Прибыв на остров, Геракл сразу же поспешил на гору, где паслось стадо коров. Пес Орф с лаем бросился на него, но обрушившаяся дубина Геракла тотчас же лишила его жизни. Шедший к нему на помощь пастух Эвритион погиб той же смертью. После этого Геракл погнал коров к морю. Это вконец разъярило Гериона, и он вызвал отважного героя на поединок. Но Геракл пробил сразу все три его туловища одной стрелой. Некоторые, правда, говорят, что он выпустил три стрелы, не сходя с места. Так как Гера поспешила на помощь Гериону, Геракл ранил ее стрелой в правую грудь, и она бежала. Так, не требуя коров и не заплатив за них, он стал их владельцем, сел в золотой челн, на котором приплыл на остров, а затем с благодарностью вернул его Гелиосу. На обратном пути он, однако, заблудился и попал в гости к Эхидне, хозяйке северной страны.

В героических путешествиях Геракла присутствует конкретная логика. Он завоевывает свое место на греческом Олимпе путем оттеснения на «второй план» более древних богов северного происхождения. К ним относятся:

Дети Эхидны – 1-й, 2-й и 10-й подвиги;

Артемиды – 3-й и 4-й подвиги;

Гелиос (Белбог) – 5-й и 7-й подвиги;

Арес – 6-й, 8-й и 9-й подвиги.

Приход Геракла в далекую страну Эхидны опять-таки закономерен и глубоко символичен. Именно здесь, на родине богов, которых он (кого полностью, а кого отчасти) в дальнейшем заместит, и должно произойти преобразование героя. Только после ритуального брака с Эхидной он воистину обретает божественные способности. Не верите? Прочитайте описания **одиннадцатого и двенадцатого** подвигов Геракла.

Первый из них рассказывает о путешествии в райский сад Гесперид, где растут молодильные яблоки, символ вечной юности, второй – о нисхождении героя в Аид. Рай и ад покоряются земному герою. Это ли не свидетельство обретения им качественно новых достоинств?! Греки, конечно же, прекрасно понимали, что такого рода посвящение героя необходимо было каким-то образом объяснить. Поэтому они придумали историю, что прежде, чем совершить свой последний и самый трудный подвиг, Геракл прошел обряд приобщения к культу богини Деметры (греческому, более юному аналогу Эхидны). Для афинян Геракл был чужаком и не имел права быть посвященным в элевсинские мистерии. Поэтому они, не решаясь отказать Гераклу, организовали для него малые мистерии. Вот такую версию доносят до нас греческие мифы. Но достоин ли Геракл такой ритуал? И, самое главное, согласился бы он сам на такое унижение? Ясно, что факт обожествления героя объяснялся уже «задним числом».

Много стран и народов обошел Геракл, совершая свои подвиги. Только нигде он не задерживался подолгу и не оставлял потомства, кроме как в Скифии. Убив трех детей Эхидны, он пришел в ее страну, чтобы, вступив с нею в ритуальный брак, обрести статус бога и породить новое поколение героев, сынов Геракла и Эхидны – Гелона, Агафирса и Скифа.

Всю важность и значение этой миссии отражает один-единственный факт: Геракл совершал свои подвиги, будучи бездетным! Правда, виной тому был он сам, но что было, то было. Уже юношей Геракл прославился как опытный воин, и под его руководством жители города Фив нанесли поражение минийцам. В награду за это он получил в жены старшую дочь царя города Креонта по имени Мегара. От нее у него было шестеро сыновей. Но все более растущее влияние Геракла на положение в Греции беспокоило Геру, и она наслала

на героя безумие. Сначала он напал на своего любимого племянника Иолая, которому все-таки удалось спастись, а потом, приняв шестерых своих детей за врагов, перебил их всех, а тела побросал в огонь, как и тела двух меньших братьев Иолая, упражнявшихся вместе с остальными в военном деле. Фиванцы ежегодно устраивали праздник в честь этих восьмерых одетых в кольчуги жертв. В первый день праздника совершались жертвоприношения и всю ночь горели костры, на второй день устраивались погребальные игры, победитель которых удостоивался венка из белого мирта. Участники праздника скорбели о том блестящем будущем, которое ждало сыновей Геракла. Геракл так горячо любил своих сыновей, что многие отрицают его причастность к их гибели, предпочитая верить в то, что они были предательски убиты его врагами. Но, как ни крути, эта история аллегорически повествует, что родовая линия Геракла и Мегары пресеклась, а дети Эхидны были старшим поколением героев, возводящих свой род к Гераклу. У него впоследствии рождались дети и от других возлюбленных, но то были дети земных женщин. Сыны Эхидны и по своей древности, и по статусу сынов Божиих первенствуют над ними.

Геракл обнаруживает какую-то таинственную связь с краем Великой Скифии, с Русской равниной. На первый взгляд это кажется удивительным и невероятным обстоятельством. С детских лет мы помним, что Геракл – великий древнегреческий герой, сын Зевса и Алкмены. При чем тут тема скифской, а тем более и древнерусской прародины божества? А все дело в том, что мы, как правило, знакомимся с предельно упрощенными пересказами мифов, выхватывающими из них в основном вершки. Знаете ли вы, что после убийства своих детей наш герой прибыл в Дельфы, чтобы спросить у бога (в данном случае Аполлона), где ему поселиться? Оракул приказал ему носить имя Геракл (до этого его имя было Алкид, по другим сведениям – Палемон) и повелел поселиться в Тиринфе и служить Эврисфею в течение 12 лет. Что же выходит? Убийство Алкидом-Палемоном детей от Мегары символически обозначает разрыв героя с прежней жизнью. Геракл становится собственно Гераклом, когда начинает совершать свои подвиги. Но не значит ли это, что описание раннего периода жизни Геракла было придумано греками позднее, когда он уже стал олимпийским божеством? Такое предположение не только ничему не противоречит, но даже наоборот, отражает типическую ситуацию: при формировании божественного пантеона богам-чужеземцам приписывается происхождение от главы пантеона. Что же до реального места рождения богачужака, то тут информация, если она сохранилась, скрытана либо в мелких деталях мифа, либо в самом имени. К счастью, в случае с Гераклом мы имеем и то и другое.

Согласно мифу, Зевс, приняв облик Амфитриона (отправившегося на войну), явился к Алкмене. Пока длилась их брачная ночь, солнце трое суток не поднималось над землей. Задумайтесь ненадолго, где, в какой части Европы можно наблюдать такое явление? Очевидно, только на севере, в Заполярье. В греческий миф в качестве, казалось бы, несущественной подробности, вошел фрагмент более древней истории, связанной с рождением героя. Теперь о его имени. Традиционно его объясняют как означающее «прославленный Герой» или «благодаря Гере». Абсурдность подобной этимологии была ясна уже древним авторам. Гера постоянно враждебна к Гераклу, и потому нет совершенно никаких оснований защищать данную этимологию. Филолог Н. Н. Казанский в специальной статье, в сборнике «Палеобалканистика и античность» (М: Наука, 1989), убедительно доказал, что имя Геры происходит от древнерусского корня «яр». Но в таком случае полное (неусеченное) имя Геракла – Гера-клеос – означает «Яро-слав», причем древнерусская форма первична.

Настоящая родина Геракла вовсе не Греция, а Восточная Европа, земля древних ариев. Он является человекоподобным воплощением их верховного бога Яра и олицетворяет одну из волн миграций ариев в страны Средиземноморья. Самую первую из них мы отождествили с появлением на территории Греции народа пеласгов (середина IV тыс. до н. э.). Эти арийские переселенцы принесли в Средиземноморье культы бога-создателя Яра-Эроса (древней-

шего бога греков) и солнечного бога Бела-Гелиоса. В XIX в. до н. э. земли Эллады начинают заселять племена ахейцев, народа индоевропейского, но не арийского происхождения. Они пришли, как мы установили, из Волго-Окского междуречья и постепенно вытеснили пеласгов как с материковой, так и островной (XV в. до н. э.) части Греции. Эпоха противостояния ахейцев и пеласгов запечатлелась в том, что в греческой мифологии появился образ бога войны Ареса (Арея, еще одного воплощения бога Яра), символизировавшего мир ариев, противостоявший ахейскому вторжению.

Встречу Геракла и Эхидны в историческом контексте следует связать с появлением арийских племен в Волго-Окском междуречье. В середине II тыс. до н. э. сюда приходят племена абашевской археологической культуры. Большинство специалистов согласны, что они представляют локальный вариант срубников и являются ариями. Геракл – арийский герой нового времени. Его брак с Эхидной символизирует союз арийских племен с той частью индоевропейцев, которая хранила культ змея. Потомки такого объединенного народа стали называться скифами. Согласно скифской хронологии, «со времен первого царя Таргитая до вторжения в их землю Дария прошло как раз только 1000 лет» (Геродот). Дарий пошел на скифов в 514 г. до н. э., то есть время правления Таргитая – середина II тыс. до н. э. Оно совпадает с нашей датировкой реальных событий, послуживших основой для мифологического сюжета встречи Геракла и Эхидны.

Исторические события, соответствующие появлению Геракла в Греции, следует датировать приблизительно XIV–XIII вв. до н. э. К этому времени культура «аборигенов»-пеласгов была в значительной степени усвоена ахейцами. Так, они приняли в свой пантеон богиню Геру – арийскую Яру, женскую ипостась верховного божества Яра. Геракл же олицетворял его мужскую «половину». Имя первой жены Геракла – Мегара – тоже «говорящее». В переводе с греческого оно означает «святилище». Брак с Мегарой аллегорически указывает на то, что Геракла принимают в ахейской среде как желанного родственника. В древнейшей индоевропейской традиции (и это следует из смысла принятых ими имен) Геру и Геракла следовало бы мыслить соответственно как Великую богиню и ее возлюбленного, которого Богиня благословляет на роль божественного избранника и царя-героя. Но такая ситуация соответствует матриархальному обществу. Греки времен патриархата лишают Геру власти над Гераклом, а ее место на брачном ложе отдают своей избраннице – Мегаре. Гера мстит Гераклу за это, строит ему всяческие козни, но она не в силах помешать его восхождению на Олимп. Противостояние Геракла и Геры, таким образом, отражает историю утверждения патриархальных традиций в рамках культа определенного божества (бога Яра).

Скиф, сын Геракла, родился в междуречье Волги и Оки. Здесь его родина. Но два родных брата – Гелон и Агафирс – со своими племенами устремились в балканском направлении, вслед Гераклу. Их потомки – «сыны Таргитая» – тоже называли себя скифами. Вот и вся хитрость скифского этногенеза. Надо теперь лишь определить, где же находилось царство Таргитая.

Глава 4. По следам скифских богов

Геродот сообщает: «Скифы почитают только следующих богов. Прежде всего Гестию, затем Зевса и Гею (Гея у них считается супругой Зевса); после них – Аполлона и Афродиту Небесную, Геракла и Ареса. Этих богов признают все скифы, а так называемые царские скифы приносят жертвы еще и Посейдону. На скифском языке Гестия называется Табити, Зевс (и, по-моему, совершенно правильно) – Папей, Гея – Апи, Аполлон – Ойтосир, Афродита Небесная – Аргимпаса, Посейдон – Тагимасад. У скифов не в обычае воздвигать кумиры, алтари и храмы богам, кроме Ареса. Ему они строят такие сооружения». Греческий историк не ограничился простым перечислением скифских богов. Он дополнил его указанием их греческих аналогов, отразив тем самым своеобразие скифской веры.

На высшей ступени их Олимпа находилось женское божество. В греческой мифологии Гестия – одно из древнейших божеств, старшая сестра Зевса, Геры и других олимпийских богов. По другой версии, она – один из первородных космических элементов (огонь), солнечный источник всего живого. Общеиндоевропейская праформа «ест», от которой произошло имя богини, означает «сущее», а в результате своего удвоения порождает слово «естество», то есть «природа». Это, если хотите, сокрытый смысл имени богини.

Гестия – один из образов Великой Богини, прародительницы Мира. Он восходит к периоду общеиндоевропейской древности и является отличительным признаком эпохи матриархата. В неолитические времена культ Великой Богини был повсеместным явлением. «Решительно вся доступная нам на данный момент историческая информация свидетельствует о том, что по крайней мере до III тысячелетия до н. э. именно «мифология богини» была определяющим фактором человеческой цивилизации (нормальное развитие которой и после этого срока во многом зависело от того, насколько медленно «мифология богини» «сдавала свои позиции»)» (А. Л. Антипенко. Мифология богини). Скифы выступают наследниками древнейшей религиозной традиции. Так, скифский царь Иданфирс считал себя сыном Великой Богини, величал Гестию царицей и своей верховной владычицей (Геродот IV, 127).

Гестия славилась тем, что была единственной из великих олимпийцев, кто ни разу не воевал и не участвовал в ссорах. Во времена Геродота она почиталась эллинами главным образом как божество очага (и семейного, и храмового), служившего символом социального и политического единства общества. Огонь Гестии в афинском храме и очаг Весты (ее древнеримского аналога) считались преемниками огня царского очага. И все же главными божествами эти богини в античной религии не были. Во всех индоевропейских пантеонах в этот период безраздельно господствуют мужские боги. Верховный статус женской богини в пантеоне скифов подчеркивает не только своеобразие их религиозных взглядов, но и противостояние другим индоевропейским собратьям в области духовных приоритетов.

В связи с этим стоит обратить внимание, что начиная со второй половины II тысячелетия до н. э. средиземноморский центр «мифологии богини» смещается в Малую Азию. У знаменитой Троянской войны, происходившей на землях Анатолии, была в том числе и очевидная религиозная подоплека. И греки, и троянцы почитали Великую Богиню в образе Прекрасной Елены. Но если троянцы выступили ее защитниками (мотив кражи Елены), то греки, как законодатели патриархальных начал, хотели ниспровергнуть «мифологию богини» и утвердить культ Верховного бога-громовержца (то есть возратить Елену в спартанскую «темницу»). Скифы, как никакой другой народ, оказавшийся в Азии, выступили продолжателями той линии, которой придерживались троянцы. Это указывает на духовное родство двух народов и дает основание разговору о малоазийских корнях скифов.

Скифское имя Гестии – **Табити**. Согласно наиболее распространенному мнению, эта богиня была общим божеством для предков иранцев и индоарийцев, а ее имя следует возводить к героине древнеиндийского эпоса «Махабхарата» – Топати, дочери Солнца. Эта точка зрения «привязывает» скифов к ариям. К тому же в имени солнечной «Гестии» вполне различимы символы затопленного очага – «топить», «топка», «тепло». Но это, безусловно, ценное и важное наблюдение никак нельзя признать за разгадку тайны имени богини. Ни в «Ригведе», ни в «Авесте» Топати не упоминается. Это достаточно молодой мифологический образ, сложившийся, скорее всего, уже на территории Индии, куда скифы не доходили. Табити старше Топати. Да, у них есть общий арийский прообраз, но Топати и по времени, и по месту рождения отстоит от него заведомо дальше. Если к тому же согласиться, что название Тибета связано с именем Великой скифской богини, то прародины двух солнечных дев окажутся лежащими по разные стороны от этой горной цепи. Именно ее миновали арии в своем движении в Индию. Но это значит, что имя общего «предка» для Табити и Топати следует искать в «Ригведе» и «Авесте», хранящих наиболее древние воспоминания о юно-сти ариев.

Скифы – великий и могучий народ Древнего мира, и роль Топати в «Махабхарате» ни в коей степени не соответствует статусу верховной скифской богини. Удивительно, что историки, воспроизводящие в своих трудах общепринятую версию, не чувствуют несоответствия масштабов своих героинь. Конечно, на безрыбье и рак – рыба, но только «рыбешка» эта мелковата.

Трудности восстановления изначального образа Табити проистекают как от недостатка информации о ней, так и от невозможности объяснить ее имя. Сколько-нибудь влиятельных богинь со схожим именем в мировой мифологии мы не знаем. Но вспомним, что при переходе ко временам патриархата имя богини могло переходить на ее мужского аналога. Мужская ипостась божества принимала на себя функции богини, а сама она уходила на второй план или, что гораздо чаще, в небытие. Так, в боге солнца древнего малоазийского народа хеттов Эстане нельзя не увидеть брата-близнеца Гестии. Их роднит как созвучность корней имен (Гест – Эст), так и приверженность стихии солнечного огня (первичный образ Гестии тоже связывался с солнцем).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.